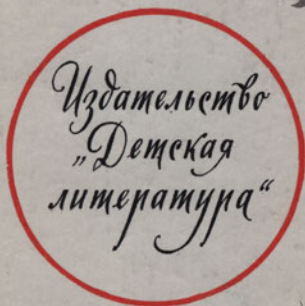

ВАЛЕНТИНА ПУТИЛИНА

СЕСТРА ГРУНЯ

50 коп.

Издательство
„Детская
литература“

ВАЛЕНТИНА ПУТИЛИНА
СЕСТРА ГРУНЯ

Историческая повесть

МОСКВА "ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА" 1986

P2
П90

Рисунки
Т. Прибыловской

П $\frac{4803010102-494}{M101(03)86}$ 365—86

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1986 г.

ПОПУТЧИКИ

Четыре дня минуло с тех пор, как вышла Груня из дому, а кажется, давным-давно всё идёт и идёт. По проезжим дорогам, по тропинкам и стёжкам. Идёт босая, за спиной котомка, в руках толстая палка-посох.

Встречные любопытствуют: далече это она путь держит?
— В уездный город Севск, — отвечает Груня.

Засверкали на солнце купола церквей — Севск показался впереди. Туда и надо Груне. Там конец её долгого путешествия.

Глазам видно, да ногам обидно. Город будто испытывает Грунино терпение. Отступает, прячется за рекой, никак до него не добраться. А уж, поди, не ранний час. Высоко забралось майское солнце, припекает во всю мочь.

Груня спустилась к реке, опоясывающей город, с облегчением сняла котомку и напилась прозрачной речной воды. Потом вымыла ноги и достала из котомки лапти. Она берегла их. Лишь всего два раза обувала в дороге — под Погаром и Трубчевском. Теперь тоже надо обуться: не пойдёшь в город босиком. И запылившийся платок надо сменить на чистый.

Она немного передохнула в тени под раkitой и направилась по большаку к городу.

Вскоре её обогнала подвода. Ехали двое деревенских: мужчина и женщина. Одеты нарядно. Женщина в расшитой кофте и тёмно-синей, красными клеточками юбке, поверх —

холстинный передник, на голове высокий кокошник. Мужчина одет по-городскому: в чёрных брюках, шерстяной рубаше и жилете. Видно, на празднество торопятся оба.

Подвода остановилась, и женщина окликнула Груню:

— Издалече идёшь, голубушка?

— Да из Матрёновки,— ответила она.— Из-под Стародуба.

— А путь-то далёк! — удивился мужчина. И поинтересовался: — На ярмарку в Севск?

— Нет,— ответила Груня,— про ярмарку я и не ведала. Мне к здешней учительнице нужно. Письмо ей несу.

— А мы на ярмарку, да немного припозднились,— сказала словоохотливая женщина и пригласила Груню: — Садись, подвезём.

— Спасибо, тётушка,— поблагодарила та.— Я и вправду заморилась. Много уже вёрст отмахала, не сосчитать.

И села на повозку. А женщине интересно, допытывается у своей случайной попутчицы:

— Удивительно мне, какое такое у тебя важное письмо, что его и почте нельзя доверить? Сама несёшь.

— Не знаю, как и пояснить,— задумчиво отозвалась Груня.— Письмо это и впрямь важное: наш деревенский учитель его написал. Просит, чтоб мне помогли в Севске выучиться на сестру милосердия. Слыхали, война сейчас в болгарской стране с турками идёт?

— Как не слышать? — ответил мужик.— Приезжали к нам люди из Севска, манифест зачитывали, что Россия решила помочь болгарам.

— Ну, так вот,— продолжала Груня,— я и собралась в Болгарию ходить за ранеными.

Женщина так и ахнула:

— Аль жить тебе надоело? В уме ты, девка? Вон какая молодая! Годов-то тебе сколько?

— Восемнадцать,— ответила Груня.

— А родители? Неужто не были против?

— Благословили в путь, хоть и сильно кручинились.

Мол, трудно будет. Я и сама понимаю, что нелегко, а надо.

Голос у Груни спокойный, рассудительный. Сразу чувствуется, говорит о том, что крепко продумано.

Женщина покачала головой и с жалостью посмотрела на девушку.

— Брось ты эту затею, — стала отговаривать она. — Разве тебе дома плохо? Или там тебе, на болгарской земле, два солнца взойдёт?

Груня засмеялась.

— Что ты, тётушка! Мне и одного солнца хватит. И дома мне хорошо. — И уже серьёзно сказала: — Ты по-своему рассуждаешь, а я иначе. Мне последнее время так и слышится, будто кто на помощь зовёт. Как же не откликнуться? У меня ведь два брата добровольцами ушли на войну. Я просила, когда они уходили: «Возьмите меня». А они в ответ: «Какой из тебя солдат?» Почему же я не гожусь в солдаты? Сил-то у меня много, я знаю.

— Что и говорить, — согласилась с ней женщина. — Ладная да крепкая выросла, это каждому видать.

Груня продолжала:

— Старший брат Егор, спасибо ему, присоветовал: «Иди в город, там, слышать, есть курсы сестёр милосердия. Коль возьмут, старайся, познавай науку. Будет нужно на войне». Наш деревенский учитель поддержал меня, написал письмо в Севск своей сестре, чтоб она помогла мне поступить учиться. Вот зачем я тут. И ты, тётушка, не отговаривай меня, лучше пожелай доли да везенья.

— Да жалко мне тебя, несговорчивую, — не могла успокоиться женщина. — Жалко.

За разговорами не заметили, как доехали до Соборной площади, где раскинулась ярмарка. Груня соскочила с повозки и низко поклонилась своим попутчикам.

— Спасибо, что подвезли. — И добавила с весёлым участием: — А ты, тётушка, не огорчайся за меня. Вот увидишь, всё будет, как надо.

Спокойный пытливый взгляд, весёлые искорки в серых

глазах, сама сильная, решительная, не робкого десятка, такая добьётся своего.

— Удачи тебе и счастья, — ласково пожелала ей женщина.

А её муж сказал:

— Может, встретишь на войне брата моего — нет от него вестей, передай, что всё у нас справно. Петром Семёновым его звать.

Груня согласно кивнула головой. Отчего не передать? Лишь бы встретился.

НА ЯРМАРКЕ

Ярмарка была уже в самом разгаре. Кругом шум-гам, свист, песни. На Соборной площади сбились телеги с сеном. Мычат привязанные к телегам коровы, визжат поросята, блеют овцы, пофыркивают лошади, громко торгуются покупатели с продавцами.

Поблизости от Успенского собора играют на лире слепцы. Мальчишки-поводыри тянут жалостливую песню, просят подаяния. Им бросают, кто копейку, кто краюшку хлеба, кто пирог.

Деревенский люд, съехавшийся на ярмарку, приоделся. Особенно — девушки: в цветных сарафанах с передниками, отороченными красной тесьмой. У некоторых сверху наброшена кофта из белой шерсти. Мелькает синий, красный, зелёный цвет, сливаясь в одно яркое, весёлое разноцветье.

Груня загляделась на всё вокруг, даже о своих неотложных делах забыла на время.

Вон собралась толпа народу, больше всего ребятишек — представление глядят. Груня ахнула: медведь! Хозяин заставляет его показывать разные фокусы.

— А ну, миша, — говорит он, — покажи нам, как старая бабушка ходит.

Мишка разом пошёл. На нём передник, в руках палка.

Он тяжело опирается на палку, идёт, чуть прихрамывает. Кругом смех. Вот ведь какой способный, правильно показывает!

Хозяин снова спрашивает:

— Миша, как молодайки ходят? Ну-ка, покажи. Уважь.

И тут медведь не оплошал, мигом отбросил палку и пошёл пританцовывая. Весело ему, публика тоже веселится.

— Ай да миша! Артист.

Нехотя оторвалась Груня от забавного зрелища. Надо поторапливаться, а то не заметишь, как день пролетит.

Ах, ярмарка, ярмарка, один соблазн! Кругом жареное-пареное, сладкое, с кислинкой, на любой вкус.

Груня заглянула в лавку, крытую брезентом, специально к ярмарке состроенную. Бока открыты, и всё, что на столе лежит и на полках, видно. Стоит народ, любуется, выбирает гостинцы, какие глянутся: бублики берёзовые, белые, рассыпчатые, пряники мятные, конфеты в ярких завёртках, мягкие калачи, ватрушки душистые, хлебцы медовые. Выбирай, чего душа запросит.

Кто-то взял целую низку берёзовых бубликов, кто-то попросил полфунта мятных пряников, другие стоят в нерешительности: им бы чего подешевле да побольше.

Подскочил мужик-извозчик, в руке кнут, долгополый армяк ремнём подпоясан. Сам мужик крупный, огненно-рыжий, и глаза рыжие, затаённо смеются, а вид серьёзный, брови хмурит. Расступись народ, некогда ему. Остановился у всех на виду, громко спрашивает:

— Душа, чего тебе хочется? Выбирай! — И показывает на калачи: — Этого?

Прислушался, будто ждал, чтобы отозвалась душа, и сам себе сказал:

— Не надо нам калачей, выбирай что другое. Может, это подойдёт? — И тут же укорил душу-лакомку: — Ишь куда загляделась! Халвы захотела! Пошли-ка лучше домой, на картошку-нелупёшку, нашу мужицкую еду.

Рыжий мужик ни на кого не взглянул и вышел из лавки.

А все засмеялись. Шутник! Укудрил потеху, угостил, называется, душу. Только разбередил её.

Груня тоже улыбнулась. Такие развесёлые люди и у них в Матрёновке есть. С ними не пропадёшь: шутку все любят. Но свою душу не обидела, купила два пряника.

Рядом с лавкой обжорный ряд, где можно недорого поесть. Хочешь щи горячие, хочешь котлеты или отварную воблу. Поблизости столпились нищие, ждут, не перепало б чего: кусок хлеба, остатки супа.

У Груни с вечера маковой росинки не было во рту. Не выдержала, зашла в обжорный ряд. Торговка налила ей тарелку щей на три копейки. И Груня стала не торопясь есть. Но вдруг почувствовала чей-то пристальный взгляд и отложила ложку. На неё глядела девочка в оборванном платишке, в глазах голод. Груня подозвала её к себе.

— Поешь, детка, милая, — сказала она.

Девочка принялась жадно хлебать щи, а Груня вздохнула. Жалко нищенку, видать, сирота бездомная. И отдала ей один пряник, с другим села за стол с большим кипящим самоваром, попить чаю. Сначала она была одна. Потом сразу появилось много народу. Из разговора поняла, что провожают на войну молодого крестьянина.

Шумно ввалился уже знакомый огненно-рыжий мужик, который широко угощал самого себя и не угостил, и тоже потребовал чаю.

Рядом с Груней сидит молодлица, её-то муж и уходит на войну. Тут же вся большая мужнина родня.

Молодлица торопливо глотает чай, обжигается, щёки пылают, в глазах испуг. Выпила стакан, ей новый несут, выпила тот, подают ещё. Она заплакала. Свёкор строго спросил:

— Ты чего?

— Батюшка, — плача ответила невестка, — да я не хочу больше, а мне всё подставляют стаканы.

— О, голова еловая, — укорил её свёкор, — зачем же пить, коли тебе не хочется?

— Да совестно отказываться. Он приносит и приносит.

Груня всмотрелась в её тревожные глаза и поняла: не из-за чая плачет молодлица, страшно ей мужа провожать на войну. Невмоготу расставаться с ним. Понял всё и молодой муж.

— Ничего, ничего! — сказал он. — Не плачь, не пропаду я. А ты жди меня.

Разом все за столом заговорили о войне. Рыжий мужик-балагур стал серьёзным.

— А я, люди добрые, в Орле был, с мужиками в извоз ходили, — пояснил он. — Там Самарское знамя видел.

— Какое такое знамя? — загалдели все разом. — Что-то мы не слышали, растолкуй.

— А вот какое, — начал рассказывать он, — я всё разузнал. Для болгар его сшили у нас в России, в городе Самаре, оттуда повезли в Болгарию. По пути побывало, говорят, оно сначала в Москве, потом выставляли в Туле. И в Орле тоже задержали ненадолго, чтобы могли поглядеть на него русские люди, поклониться ему. Я как услышал про Самарское знамя, тоже пошёл поглядеть. Не мог упустить такого случая.

— А то как же, — поддержали его слушатели. — Верно поступил.

Он окинул всех быстрым взглядом и продолжал:

— Люду-народу шло к этому знамени — не сосчитать: стар и млад, и знатные и простые, и городские и наш брат мужик. Все как единая семья шли. Такое сочувствие болгарским людям. Я люблю до всего дознаться, расспросил: куда, мол, дальше повезут знамя? Ответили, что в Румынию, там сейчас собрались болгарские ополченцы. Под этим знаменем они пойдут изгонять со своей земли турок.

Все одобрительно закивали, заговорили вразнобой. Мол, хорошо, что сшили в Самаре знамя, и желали победы болгарам. Груня слушала молча, потом не утерпела, спросила рыжего мужика:

— Мил-человек, — не знаю, как тебя называть, — опиши, какое с виду Самарское знамя?

На неё поглядели, кто-то осудил: бойкая. Но Груня не смутилась, спокойно ждала ответа.

— Ну, коль тебе интересно, зовут меня Захаром Терентьевым, — представился мужик и молодецки тряхнул головой. — А про знамя скажу: большое оно, трёх цветов. Полоса красная, другая белая и третья синяя. На одной стороне крест изображён, я заметил. И ещё прочитал надпись на ленте: «Самара, Болгарскому народу».

Груня на секунду зажмурилась, чтоб представить себе облик знамени и покрепче утвердить в памяти. И с уважением подумала о Захаре Терентьеве: «Разве узнаешь человека с первого взгляда. Шутил, смеялся, а то враз стал серьёзным. И глаза, оказывается, серьёзные, и речи умные. Все к нему обращаются, вроде каждому стал хорошим знакомцем. Расскажи, просят, что слышал про войну».

— Одно знаю, — сказал он, — спешить надо на помощь болгарам. Слышал я, поднялись они там прошлой весной против турок, так те страшной казнью их заказнили, ни детей, ни женщин не пощадили, живьём сжигали. Говорить жутко, волосы дыбом встают.

— Не может быть того! — не верили люди, слушавшие Захара.

Другие ахали:

— Да что ж за лютость такая! Надо всем миром зволать болгар, пока они ещё живы.

Молодица вскрикнула вдруг:

— Не ходи! Сгинешь ведь там! Не пушу! — осмелела она от страха за своего мужа, заговорила во весь голос.

— Помолчи, — смутился он. — Совестно. Или забыла — меня народ на мирской сходке избрал идти, доверил серьёзное дело, а ты говоришь пустое. Вернусь я. — И отцу: — Пора нам ехать, тятенька.

Все встали из-за стола. Захар пожал руку добровольцу.

— Воюй, браток, не теряйся! Нужно будет, пособим! — сказал он весело, глаза вновь улыбочивые, и пошёл к своей подводе.

Пошла и Груня разыскивать учительницу, адрес её на конверте записан. Но тут же остановилась: увидела старика-шарманщика с голубем на плече. Голубь вытаскивает билетки из ящичка. В них обозначено счастье, кому какое выпадет. Груне не захотелось испытывать судьбу, заглядывать вперёд. Что было — знает, что будет — увидит. Человек сам куёт своё счастье, знать бы только, в чём оно.

С трудом пробралась Груня через тесную толпу и вышла на главную улицу города — Киевскую, отсюда самый короткий путь из Киева на Москву.

А вслед ей ещё долго несётся ярмарочный шум. Не песни, не музыка, не свист — издали всё это теперь превратилось в один слитный голос ярмарки. И на этот голос со всех концов спешат люди. Кто продавать, кто покупать, а кто просто поглазеть на разные представления.

Весёлый, голосистый праздник ярмарка!

В ДОМЕ УЧИТЕЛЬНИЦЫ

На Киевской улице Груня остановила прохожего.

— Мне надобно учительницу, Зайцеву Ольгу Андреевну. Может, слышал?

— Как не слышать? — удивился прохожий. — Я старожил, весь век тут живу. — И стал объяснять: — Видишь переулок? Так ты в него не сворачивай, иди прямо, второй — тоже пройди. А увидишь третий, заверни и очутишься на улице Никольской. Там большой дом под зелёной крышей, он сам тебе бросится в глаза — один такой. Запомнила?

— Спасибо, — сказала Груня, — запомнила. На что лучше растолковал, всяк поймёт.

Она вышла на Никольскую улицу и как будто в родные места попала. Улица здесь поросла травой, и не было, как на Киевской, двухэтажных каменных домов, а только низкие, приземистые, с палисадниками. На заборе сушатся

кувшины из-под молока, ходит коза на привязи, резвятся телята. На завалинках сидят парни и девушки, громко разговаривают, поют песни. Веселятся люди — ярмарка!

Груня всем подряд говорит:

— Здравствуйте вам!

Ей отвечают:

— Здравствуй!

Она без труда отыскала дом учительницы — он и вправду, как сказал прохожий, выделялся среди других домов, — постучалась в дверь. На стук вышла невысокая темноволосая девушка в белом фартуке. Спросила, что ей надо.

— Я к учительнице, — проговорила Груня. — Письмо ей принесла.

— К Ольге Андреевне? — удивилась девушка.

Она с любопытством поглядела на Груню и дружелюбно улыбнулась. Глаза карие, живые.

— Пойдём, — сказала она.

Провела Груню на веранду, оставила её там одну и понесла письмо учительнице. Вскоре они вернулись вместе. Груня узнала учительницу, хоть никогда и не видела её. Похожа на брата, который учительствовал в Матрёновке.

Ольге Андреевне было лет за пятьдесят, худощавая, высокого роста. Седые волосы собраны в большой пучок.

— Здравствуйте, голубушка Груня, — поздоровалась она первой.

Груня поклонилась ей.

— Я прочитала письмо, теперь всё про вас знаю, — продолжала Ольга Андреевна. И попросила девушку, которая впустила Груню в дом: — Соня, покормите нашу гостью. Она ведь издалека пришла.

— Спасибо, — отказалась Груня. — Я на ярмарке поела и чаю попила.

— Тогда пойдёмте ко мне, поговорим о вашем деле, — сказала Ольга Андреевна.

Груня оставила котомку и палку на веранде и пошла вслед за учительницей в комнату. Огляделась и ахнула: всё заставлено шкафами с книгами.

— Неужто столько книг написано! — в изумлении воскликнула она.

Ольга Андреевна улыбнулась.

— Вы любите читать?

Груня смущённо взглянула на неё.

— Я ведь недавно научилась грамоте, — сказала она. — И до сих пор привыкнуть не могу, какое же мне счастье! Первое время всё хожу и складываю слова из букв. Я уже и книжки кой-какие прочитала, только тонкие. И то всех удивила. У нас как в деревне? «Незачем вам, девки, учиться, — твердят все в один голос. — Прясть да ткать — вот лучшая наука». А мне страсть как охота читать. Должно быть, все книги интересные? — И одёрнула сама себя: — Не о деле я говорю. Ты мне лучше про курсы сестёр милосердных расскажи. Как туда попасть?

Ольга Андреевна сочувственно вздохнула.

— Грунечка, — сказала она мягко, — не хотелось бы вас огорчать, но что делать? Нет в нашем городе таких курсов. Пока нет.

Груня даже переменилась в лице.

— Как же мне быть теперь? — растерянно проговорила она. — Может, ещё где-нибудь учат? Городов-то у нас в России много. Ты назови покрупней и поважней Севска.

— В нашей губернии самый главный — Орёл, — сказала Ольга Андреевна. — Мне думается, там должно быть отделение Красного Креста. Да только, милая Груня, вы не представляете себе, сколько до Орла вёрст. Не меньше полутораста. А железной дороги в нашем городе нет. Как вы туда доберётесь?

— Да пешком! — воскликнула вновь воспрянувшая духом Груня. — Есть о чём горевать! От Стародуба тоже не ближний свет, а я дошла к тебе сюда, не утомилась. И до Орла дойду. Может, там и на Самарское знамя погляжу, поклонюсь ему.

— Откуда вам известно про Самарское знамя? — удивилась Ольга Андреевна.

Груня довольно улынулась.

— Народ говорит,— сказала и пояснила: — Мужик, Захар Терентьев, был в Орле, своими глазами его видел и нам про то на ярмарке поведал. Может, ты знаешь что про знамя, расскажи.

Она уже успокоилась, приняв решение идти в Орёл. Неуёмная любознательность взяла верх над беспокойными мыслями.

— Снова вас огорчу, Грунечка. Боюсь, что в Орле уже нет Самарского знамени. Сейчас оно должно быть где-то в пути,— сказала Ольга Андреевна.— Возможно, уже в Киве, потом его передадут болгарам.

— Скорей бы освободили их от турок! — вырвались у Груни слова от всей души.— Как же им тяжело приходится! Брат Егор говорил, что они уже пятьсот лет томятся под игом. Там турецкое иго, а у нас татарское было,— вспомнила она.— Тоже тогда хлебнул горя горького наш люд.

Ольга Андреевна закивала головой.

— Верно, Грунечка, верно. И мы пережили страшное время. Триста лет, да каких лихих! Вот у нас в Севске есть место, которое называется «татарское побоище». Много там пролилось крови. На том месте построен Свято-Троицкий монастырь. Вы проходили мимо него, когда шли ко мне с ярмарки по Киевской улице.

Ольга Андреевна на мгновенье задумалась, потом сказала:

— Мне очень хочется вам помочь, Грунечка. Подождите меня тут, а я схожу в нашу земскую больницу. Может, вас возьмут ухаживать за больными, обучат этому святому делу. И не надо будет на курсы сестёр милосердия поступать. Да, да,— обрадовалась она своей мысли.— Вот и выход. Отдохните пока с дороги, а я скоро вернусь.

Но вернулась она нескоро. И по огорчённому виду учительницы Груня поняла, что хлопоты её были тщетными. Так оно и оказалось.

— Ничего! — узнав об этом, сама стала утешать она

расстроенную Ольгу Андреевну.— Ты не горюй. А своего решения я всё равно не переменю — как задумала, так и сделаю: пойду в Орёл. Спасибо, что ласково приветила. Мне пора.

— Нет-нет, никуда я вас не отпущу на ночь глядя,— остановила её хозяйка.— Сейчас вместе пообедаем, поговорим. Вы про моего брата расскажете, как ему живётся в вашей Матрёновке. Переночуете, а завтра с новыми силами в добрый путь.

Груня не стала отказываться. Ей тоже хотелось поговорить с учительницей, расспросить, что пишут в газетах про войну, узнать от неё, знающего человека, какая она, болгарская земля, и какие люди там живут.

Разговору хватило до позднего вечера, и обеим было интересно слушать друг друга.

Ольга Андреевна с уважением глядела на Груню. Малограмотная крестьянская девушка оставляет дом и идёт в далёкую даль. Не ради корысти, а чтобы помочь людям, которые живут за горами, за долами. В тысячах вёрст от родного края. Таких случаев в истории сразу и не припомнишь!

Как и многие русские, Ольга Андреевна душой была в Болгарии. Верила, война с Турцией необходима, чтобы спасти болгарский народ от истребления турецкими завоевателями. Освободительную войну одобряли и учёные, и знаменитые писатели, и художники, и простой народ. В России был брошен клич: «Освободим нашу славянскую сестру!» И создавались народные ополчения, собирали пожертвования для Красного Креста.

Груня слушала Ольгу Андреевну и всё больше утверждалась в своём желании стать сестрой милосердия. Она будет ею, каких бы усилий это ни стоило!

— А ведь на дворе уже ночь,— заметила Соня.

Груня сразу поднялась из-за стола.

— Спасибо за хлеб за соль, за милость вашу,— поблагодарила она хозяйку и Соню.

— Я и не заметила, как стемнело,— удивилась Ольга

Андреевна. И, обращаясь к Груне, как-то проникновенно произнесла: — Я верю, Грунечка, всё у вас сбудется. Цель ваша замечательная, и характер есть. Дерзайте! И счастливого вам пути. Не забывайте нас.

«Не забуду, нет», — благодарно подумала Груня и низко поклонилась гостеприимной хозяйке.

ХОРОШИЙ ГОРОД

Чуть рассветало, когда Груня покинула дом учительницы. Её вышла проводить Соня и, прощаясь, дала узелок с едой.

— А это, — протянула она ей узелок побольше, — велела передать тебе Ольга Андреевна. Тут платье. Придешь в город Орёл, переоденься, чтоб понравиться на курсах сестёр милосердия. — И, дружески улыбнувшись, сказала: — Знаешь поговорку: по одежке встречают, по разуму провожают. Разум-то ценят потом, а сначала — одежка. Пускай тебя сразу встретят хорошо.

Груня быстрым движением отстранила узелок, в глазах появились сердитые искорки.

— Не надобно мне, — ответила она с обидой, — разве я нищая? У меня своё есть, сама шила.

— Хоть и есть, да деревенское, — возразила Соня и принялась её уговаривать: — Возьми, не гордись, вот увидишь, пригодится в дороге. Не обижай учительницу, она добра тебе желает.

Груня помолчала, вздохнула и взяла платье.

— Передай поклон Ольге Андреевне, душевный она человек. И тебе спасибо за привет и ласку.

Соня проводила её за ворота, прокричала вслед добрые пожелания, помахала рукой, и Груня пошла в сторону Соборной площади.

«Бывают же такие люди, — думала она с благодарностью об учительнице. — Какая обходительная и простая! Сочувствия в ней много к людям, хоть и знатная родом. Вот

и брат её тоже добрый. Тот победней живёт — семейство большое, а всё равно готов всем помочь. Пошёл в деревню народ грамоте учить. Спасибо ему».

Город только что начинал просыпаться. Хозяева открывают и привязывают ставни. Хлопают калитки. Переговариваются между собой соседи, вспоминают вчерашнюю ярмарку.

Груня свернула на Киевскую улицу, в глаза бросилась монастырская башня. Видно, про это место говорила Ольга Андреевна: «татарское побоище». Странная башня. Или это только кажется, будто она чуть наклонилась? Не упала бы.

Из большого каменного дома вышла женщина. Заметила, как пристально смотрит Груня на башню, спросила:

— Ты что на неё уставилась?

— Боюсь, не упала бы. Или мне показалось, что она покачивается.

— А, — махнула рукой женщина. — На неё все приезжие заглядываются. Наш сосед, учитель истории, так и совсем называет её падающей башней. Рассказывает, в Италии тоже есть такая падающая. Наша-то не падает, давно, сроду такая.

— И ладно, что не падает, — заметила Груня. — А смотреть на неё интересно. Экое диво!

Она вышла на Соборную площадь, где вчера ещё кипела ярмарка. Сейчас там было пусто, кончился праздник. Лишь двое слепцов топтались на площади, видно, заночевали где-то под лавками. С ними мальчики-поводыри, протирают глаза руками, сладко зевают. Им бы поспать, да доля выпала рано трудиться, на хлеб зарабатывать. Может, из погорельцев они, отправлены на заработки, или из деревни, где неурожай случился.

Бом-бом-бом! — разнеслось торжественно над городом. Груня подняла голову. Бом-бом! Это севские куранты отбили пять утра на колокольне древнего Успенского собора. Доброе предзнаменование: провожают в дорогу торжественным звоном.

Росная тропа привела Груню к речке. У моста она оглянулась и залюбовалась городом. Уютно раскинулся он на холмах, красиво. Далеко ввысь взметнулись золотые купола церквей. Вокруг — цветущие сады. Тихая река Сев уходит к древней крепости. Следы седой древности повсюду: соборы, монастыри, остатки боевых башен, рвы. Город-крепость.

Груня хоть и впервые видит Севск, но он был ей знаком по описанию. Матрёновский учитель, когда посылал её сюда к сестре, рассказал заранее про город, чтобы знала, куда идёт. Память у неё цепкая. Услышит какой-нибудь рассказ или что увидит, на всё время запоминает. Так и про Севск запомнила, какой он, как много испытал вражеских нашествий и всегда оказывался победителем. Очень ей запомнились слова учителя, которые он сам вычитал в исторической книге: «Вельми хороший град Севск. А люди в нём живут доброхотны и приветливы». Так и зацепилось в памяти слово «вельми», то есть «очень», и «град» вместо «город». По-старинному.

Она и сама теперь убедилась: хорошие здесь люди.

Низко поклонилась городу и пожелала всем: «Пусть живут себе, радуются. Да здоровы будут».

СТЕЖКИ-ДОРОЖКИ

Немалый путь предстоял Груне до губернского города Орла. Но если не запугивать себя, не впадать в сомнение: дойду иль нет, окажется, не так уж это и далеко. Дней за пять можно, пожалуй, добраться. И она шла мерным шагом, не пугаясь вёрст. Уморится — сядет, передохнёт в холодке, попьёт воды из родника или речки, перекусит, что найдётся. И снова в путь-дорогу.

От Севска до Комаричей сорок вёрст. Их одолела Груня как-то незаметно. От Комаричей до Кром вёрст семьдесят, остались за спиной и они. Вот уже от Кром к Орлу зашагала. Люди сказали, вёрст сорок до него осталось.

Идёт себе Груня, всё идёт. И дни отлетают, как птицы по осени. Куда они исчезают? И отчего так быстро уходят? Или они стали короче? Время сократилось?

Только звёздочка зоревая поманит за собой, глядь, уж вечер подступил. Месяц, круты рожки, выглянул. Над ним звезда-путеводительница — месяцу путь указывает. Светильники небесные зажглись. Пора думать и о ночлеге.

Ночевать всюду пускали, никто не отказал в пристанище. А утром вновь большак, обсаженный вёслами, просёлки, стёжки-дорожки. Иная тропка ведёт к лесу. И тогда чудится, ещё, ещё немного, и за деревьями покажется Матрёновка. Но за ними — лесная опушка и диво дивное: три яблоньки лесных. Взялись за руки и вместе шагнули к ней навстречу, стройные, в пышных бело-розовых платьях до пят. Сердце забилось от такой красоты.

За яблоньками-подружками открылась полянка с ёлками. На них краснеются молодые шишки. Сюда бы сейчас брата Егора, чтоб нарвать шишек. Они, молодые, вкусные.

И сразу встал перед глазами родной дом. Вспомнилось детство, старший брат Егор. Он добрый, последнее отдаст. Стоит чего пожелать, всегда исполнит. Один раз, когда она болела, принёс ей белую кувшинку, над самым омутом сорвал, чтоб только её обрадовать.

Федя тоже хороший, но Егора не сравнишь ни с кем, главное, очень жалостливый. Бывало, другие ребяташки наловят птиц и посадят в клетку. А он никогда не держал птиц в неволе и клеток не мастерил.

И ещё справедливый он, с малолетства всем защитник.

«Где-то сейчас братец дорогой? — вздыхает Груня. — Хорошо хоть, что не один, а с Федей, вместе легче, поддержат друг друга».

Будто увидела их рядом. Оба рослые, худощавые, оба как на одно лицо: сероглазые, волосы вьются, светлые, пшеничные.

Братьев принимают за близнецов, а они — погодки: Егору двадцать лет, а Фёдору девятнадцать. «Свидимся ли ещё

когда? — пронзила вдруг тревожная мысль. — Не все ведь с войны возвращаются».

Мамушка с отцом тоже, наверное, беспокоятся. Мыслимо, отпустить на войну двух сыновей и дочку. Другие бы удерживать стали, отговаривать, а они, сердобольные, о себе меньше всего думают, всё о других. Правда, её ещё мамушка пыталась отговорить: «Нет у нас денег тебе на дорогу. Как доберёшься?» — «Я и без денег, не думай, — успокаивала её Груня. — Ты только отпусти». И мамушка смирилась, не стала удерживать. «Иди, — говорит, — видно, планида твоя, судьба такая — иди».

Отец тоже не отговаривал. Только сказал: «Сил-то хватит? Не отступишься? Ноша тяжела». — «Не отступлюсь», — твёрдо ответила Груня. «Я и сам знаю, — с гордостью произнёс он и благословил в путь. — Ступай! — сказал он. — Иди и не бойся. Коль выйдешь — дойдёшь. Ты малость поможешь, другой, каждый по силам своим, глядишь, соберётся много. Бог даст победу! Любовь и терпенье в твоём деле».

Да, он хорошо знал характер своей дочки. Знал, до всего ей было дело, и где случится беда, она первая спешит на помощь.

Три года назад страшная хворь напала на их край — азиатская холера. Повально косила людей. Ужас объял Матрёновку и соседние сёла. Некоторые бросали дом, а кто-то прятался под печку, думая уберечься от страшной хвори. На борьбу с азиатской холерой из Москвы приехали сёстры милосердия вместе с доктором. Груня вызвалась помогать им.

Её нарядили в белый халат, дали белую косынку, научили, что надо делать. Она кормила больных, купала детей. Глаза ласковые, руки добрые, милосердные, ободряющий голос, мол, ничего, всё пройдёт. И никакого страха в душе. Оттого, видно, к ней и хворь не прилипала. А придёт домой, вымоется хорошенько и обкурит избу можжевёловым дымом — можжевельник рядом растёт. Предосторожности помогли: никто в их семье не заболел.

Трудно было, уставала невмочь, но себя не жалела, понимала, нужна сейчас тем, кто страдает и охвачен страхом. И шла на помощь, не думая о себе.

Да и как можно по-другому? Себя потом сам заказнишь, коль не отзовёшься на чью-то беду.

...Прошлым летом горела Матрёновка. А началось всё с малого. Соседка пошла к колодцу за водой в конец села, да ещё под горку надо спуститься. И не подумала, оставила горящую печку. Уголёк выстрелил из печки и угодил в кострику — сухие отходы от конопли, сваленные внизу поблизости. Вспыхнул пожар, всё загудело, затрещало. Груня увидела дым, бросилась к избе — знала, там в люльке младенец. А в дверь уж не пройти. Огонь перебросился на сарай, пополз по забору к Грунину дому. Ей бы свой дом спасти, а она выбила окно в соседкином, пробралась в горницу и вынесла из огня ребёнка.

С поля бежал народ, чтоб не дать огню перебраться на другие избы. Да разве остановишь его в жаркую июльскую пору? Многие в тот год стали погорельцами. Сгорел и Грунин дом.

Кое-как одолели поставить хатёнку, но ещё не скоро наладится хозяйство, долго ещё придётся бедовать погорельцам.

Поле не досеяно, хата не достроена, самая горячая пора сейчас: позарез нужны дома работники. Как же там управятся одни мать с отцом? «Может, не должна я идти? Не время? — встревожилась Груня. — Нет и нет! — твёрдо ответила она свои сомнения. — Вернёмся с Федей и Егором и поле засеём, и хату достроим. А сейчас там, в Болгарии, нужна наша помощь. Надо идти».

Сердце велит — ему одному она и повинуется.

Вспомнилось, как под Севском отговаривала её женщина: вернись, мол. «Иль для тебя два солнца взойдёт?» Не за двумя солнцами идёт она. Но только чувствует, коль не пойдёт — одно ей будет тускло светить.

И никто её не отговорит. Коль вышла — дойдёт.

ДОРОЖНЫЕ ВСТРЕЧИ

На небе появились тучи. Не появились — подкрались, словно кошка на мягких лапах-подушечках, тихо, вкрадчиво. Правда, было всё-таки предвещание, что погода переменится: лес вдруг сам по себе зашумел, без ветра — к дождю. Но она не придавала этому значения.

Загромыхал гром, острыми стрелами впились в землю молнии. Совсем рядом. Будто кто намеренно метил в неё да промахнулся. Хлынул сильный ливень.

Груня поспешно схватила котомку и прижала к себе, стараясь загородить от дождя. Богатому жаль корабля, убогому — кошель. В котомке всё её богатство.

Дождю — шутка, поиграл и умчался, а Груня успела до нитки вымокнуть. Теперь надо обсушиться, мокрая одёжка прилипает к телу.

Она сняла сарафан с кофтой, развесила их на кустах и надела платье, что подарила учительница; длинновато, но можно подшить. Иголлка и нитка у неё с собой.

Груня поправила свою длинную косу и погляделась в маленькое зеркальце. Маленькое, да памятное, дорогое: любимый брат Егор купил, когда ездил в город Стародуб. Он всем привёз гостинцев, а себе ничего.

В зеркальце видать: платье ей к лицу. Не хуже, чем у Клаши с Евлашей. В детстве Клаша с Евлашей были негордые, дружили с ней, хоть и дочери управляющего именем. Дружили больше всего из-за того, что она знала много сказок, а они любили её слушать. Зазовут в господский сад, сядут под большим кустом жасмина и просят: «Расскажи новую сказку». А сами оглядываются, чтоб ненароком кто из прислуги не увидел их вместе, не то родители заругают. Потому что она бедная, у них же отец — барин.

А Груня, хотя и прожила на свете десять лет, и не подозревала, что она не такая, как Клаша с Евлашей. Жила себе как живётся, бедности не стеснялась, никому не завидовала и сызмальства трудилась, как все у них в доме.

Она ходила за три версты на помещичье поле полоть свёклу и окучивать картошку. Как и другим детям, ей платили пятнадцать копеек в день. Потом за сноровку и трудолюбие перевели ко взрослым. Она выполняла одинаковую с ними работу и получала теперь уже на пять копеек больше. Родителям заметное подспорье.

Мамушка жалела её. Тяжело ведь вставать на утренней зорьке и возвращаться на вечерней. Не хотела будить в четыре часа, а она сама заставляла себя проснуться вовремя, чтобы не ушли без неё на подёнку.

С поля возвращались хоть и до смерти усталые, но всегда с песней, большей частью одной и той же:

Уж как пал туман на сине море,
А на синем море корабель плывёт.
Как на том корабле три полка солдат,
Три полка солдат, молодых ребят...

Груня выводит каждое слово с восторгом, от всей своей радостной души. Хорошо вот так всем вместе идти! Тяпки на плечо, словно солдат ружьё, бодрый шаг, вся усталость долой.

Однажды она возвращалась с поля одна. Только что прошёл сильный дождь, и сияло солнце. На мосту её обогнала коляска, в ней сидели Клаша с Евлашей в белых лёгких платьях, на голове шляпки. Сёстры заметили Груню, но проехали, как незнакомые.

А она стояла и смотрела им вслед. Маленькая, в измокшем от дождя сарафане; босые ноги, на плече тятка с привязанным наверху узелком с едой.

Неожиданно для себя она подумала: «Отчего это? Клаша с Евлашей нарядно одеты, в коляске ездят и на поле не ходят полоть? Отчего мы совсем не так живём?»

Подумала без зависти, с любопытством. Больше об этом она как-то не задумывалась. Что ей Клаша с Евлашей? У неё своя жизнь. И вспомнились они обе сейчас случайно, из-за городского платья.

Груня прилегла на траве под кустом и незаметно уснула.

Проснулась, и, как часто бывало дома, её охватила радость. Наверное, оттого, что чувствовала себя крепкой и здоровой, что знала, куда и зачем ей идти. И ещё оттого, что кругом всё зелено и пахнет после дождя свежестью.

Рядом поднялись заросли стебельчатого аира. Если развернуть побуревший стебель у самого корня, можно его съесть. И гусиный лук тоже съедобный. А медуницы с баранчиками приятней сладких карамелек.

Низко над берегом пролетели дикие утки. Из лесу донёсся чистый голос иволги, цивкали овсянки, закуковала кукушка. Груня сбилась со счёта, сколько лет жизни посулила ей вещая птица.

Гудят шмели и пчёлы. Важно выхаживает по мелкой воде аист. Схватил добычу и полетел к своему гнезду кормить семейство.

Всё вокруг мирно, по-домашнему. Даже не верится, что так далеко отсюда Матрёновка.

Груня потрогала развешанную на кустах одежду. Почти сухая, можно переодеться и в путь. Она уже знала, до Орла теперь рукой подать, надо только выйти лесной тропой на большак.

Леса она никогда не боялась. Расхаживала в нём, будто по своему саду. Не прислушивалась, не крадётся ли кто следом. Чего бояться на своей земле?

Но сейчас непонятно почему ей стало боязно в незнакомом лесу. Услышит лёгкий треск и оглядывается, ищет глазами, кто наступил на ветку, какой лесной зверь. То послышится неясное бормотанье. А то вдруг явственно почудилось: кто-то прячется за кустами. Страх охватил Груню. Кто-то тут есть! Недобрый человек!

Она кинулась бежать, не разбирая дороги, пока не зацепилась котомкой за ветку дерева и не рассыпала свои вещички. Наклонилась, чтобы подобрать их. А когда подняла голову, ужаснулась: перед ней — мужик. От страха и лица его не разглядела, одна широкая смоляная борода.

Мужик как-то грустно усмехнулся, покачал головой.

— Не бойся, я не убивец.— И попросил будто даже виноватым голосом: — Хлебцем я у тебя не разживусь?

— Отчего ж нет? — заторопилась Груня и вынула краюшку хлеба.— Бери, мил-человек, а больше нечем попотчевать.

— Спасибо и на том,— поблагодарил бородач и отправился своей дорогой, жуя хлеб на ходу.

Груня опустилась на пенёк и какое-то время сидела в оцепенении. Потом успокоилась. Не так уж он страшен, этот человек, не ограбил, не убил. Что его заставило побираться? Какая беда выгнала в лес? Крепкий, здоровый, ему бы косу в руки или топор, сам всех прокормит, а он, вишь, ходит, милостыню просит. Чудно. И чего только не встретишь на свете?

Так и не разгадав загадки про мужика, она пошла вновь лесной тропой и очутилась на развилке двух дорог. Какую выбрать, чтобы привела в Орёл?

Многими дорогами пришлось ей пройти от Стародуба. Иная бежит, петляет, иная словно тихая речка течёт, ровно, степенно, на такой не собьёшься. Как же поступить ей теперь у развилки?

В одну сторону пойдёшь — до Орла не дойдёшь; в другую — не знать, где окажешься. Постояла, подумала. «Орёл — большой город,— рассудила.— Туда народ чаще и ходит, и ездит. Вестимо, ту дорогу сильней поутопчут, и колеи от колёс должны быть на ней поглубже. Скорей всего, она-то и верная».

И Груня решила: пошла той дорогой, что больше изъезжена.

МАТВЕЙ-ПРАВДОЛЮБЕЦ

Садилось солнце, а до Орла оставалось ещё вёрст десять. В стороне от большака Груня увидела маленький посёлок и свернула к нему.

Она выбрала хату победней, там охотней пускали на ночлег, постукалась в окно.

На стук выбежали ребятишки и с любопытством уставились на неё. Вытирая руки о фартук, вышла хозяйка, тётка Устинья, статная, красивая, лет за тридцать.

— Заходи в хату, милая,— приветливо сказала она,— будем вместе вечерять.

Гостья вошла, огляделась. В хате чисто, дети опрятно одеты, весело между собой переговариваются. Она поставила посох, сняла котомку, умылась во дворе. А когда вернулась в кухню, все уже чинно сидели за столом, на почётном месте сам хозяин.

— Садись с нами поесть,— пригласила хозяйка.— Ждём тебя. Сейчас щей налью.

Она вынула из печи чугуны горячих щей, что остались после обеда, налила большую миску и поставила её посреди стола. Дети и взрослые, не торопясь, потянулись к миске деревянными ложками. Хлебали щи молча и сосредоточенно, как будто вершили серьёзную работу. Но вот ложки застучали по дну миски, и тётка Устинья с улыбкой спросила:

— Похлебали?

— Ага! — дружно отозвались ребятишки, во все восемь голосов.

— Молодцы, ловкие на работу,— похвалила она и поставила на стол противень толчёной картошки, к ней — солёные грибы летошнего засола. На закуску — вода ключевая, кадушка у порога, пей сколько вздумается. Там сверху и ковшик плавает.

После ужина разговорились.

— Трудно тебе, тётка Устинья,— посочувствовала Груня,— полон дом ребятишек. Всех надо накормить, напоить.

— Ничего! — весело махнула рукой хозяйка.— Была бы мука да сито, а то будет баба сыта. В своём табунке не пропадём. Тут у нас ещё не все за столом, самый маленький сыночек спит в люльке в горнице. Ничего! — И потом попросила: — Ты нам лучше про себя расскажи, откуда ты и зачем тебе в Орёл надобно.

Груня уже привыкла, без расспросов не обойтись, и коротко рассказала историю своего путешествия.

— Ты гляди-ка! — воскликнула тётка Устинья. — Грамоте знает! Учиться задумала! Знать, усердие у тебя большое? Вот уж девка-лента, — похвалила она. — Молодец. А не боязно тебе одной вёрсты мерить? Чай, кто ненароком и обидит? Люди всякие встречаются, — заметила Устинья.

Груня задумалась.

— Да нет, тётушка, я шла и как-то всё без страха. Только под Кромами один раз оробела. Стою под навесом, спасаюсь от дождя, — начала она рассказывать, — и подходят два здоровых мужика. Остановились рядом и молчат. Главное, «здравствуй» не сказали. Я не дышу, думаю: «Кто вы, люди? Отчего «здравствуй» не говорите? Неужто у вас что плохое на уме?» Страшно мне тогда стало.

— Может, они немые? — предположила Устинья.

— Кто ж их знает? Только оторопь берёт, коль с тобой не здороваются.

— У нас так не полагается, — заметила хозяйка.

— У нас тоже, — сказала Груня. — Да! — вспомнила она. — Ещё была у меня худая встреча. Какой-то человек, заросший, босый, догнал меня в лесу, попросил есть. Крепко я тогда его напугалась.

Тётка Устинья переглянулась с мужем и сказала:

— О, да ты, милая, понапрасну испугалась. Мы его знаем, то Матвей с Михайловской дачи, что сразу за нашей Грачёвкой. Он не разбойник, не грабитель, а случай такой вышел. Матвей наш — правдолюбец, и за то его возненавидели богатые мужики, главное — Игнат Сёмин с Трифоном. Все им у нас кланяются, почитают. Скажут Трифон с Игнатом какую небылицу, а все в один голос поддакивают: «Правильно! Правильно!» Матвей укоряет: «Вы что, с ума спятили, мужики? Правду от кривды не распознаёте?» Всё перечил, всё правду доказывал, а это не всем по нраву. Да ещё на свою голову Матвей способен говорить складно. То песню сложит, то прибаутку, да так едко: не в бровь,

а в глаз. Чуть что, он складными словами то одного побьёт, то другого.

И тогда Трифон с Игнатом, мужиком богатым, задумали известить его, чтоб не стоял поперёк дороги. Возвели на него напраслину, будто он украл у Трифона лошадь, а цыганам запродали. И порешили суд над ним учинить, самосуд. Мол, чтобы другим не было повадно. Одним словом, порешили его убить.

Да нашёлся благодетель, предупредил Матвея, чтоб не возвращался он домой. И Матвей ушёл в лес. Знал, исполнит свою угрозу недруги, потому что нет на них никакой управы. С тех пор и скитается в лесу. Мы его все жалеем, а помочь не в силах, разве что покормим при случае. Всем заправляют Игнат с Трифоном, их-то мы и остерегаемся. А его нечего бояться.

Груня вздохнула: вот как она, жизнь, складывается. И оговорят тебя, и могут известить. Неужто не найдётся управа на таких злыдней, как Игнат с Трифоном? Не должно быть так. Кто-то и за Матвея вступится, придёт время. Найдутся и другие правдолюбцы. Разве их мало на земле?

Г О Н Е Ц

В один миг вся маленькая Грачёвка узнала, что у тётки Устиньи остановилась на ночлег девушка-странница. В Болгарию путь держит, на войну.

На неё пришли поглядеть и порасспросить, что слыхала она, что видела, пока добралась до них. Уселись прямо на улице, кто на завалинке, кто на сваленных перед избой брёвнах.

Груня сначала даже оробела от вниманья к ней, но виду не показала. Ей сразу припомнился разговор с учительницей из Севска, когда та сказала, прощаясь: «Знайте, Грунечка, вы сейчас не просто путник с посохом, которому предстоит дойти до Орла. Вы, как говорили в старину, — гонец, потому

что несёте срочную вестъ. Рассказывайте людям о том, что происходит сейчас в Болгарии и зачем идут туда наши воины. Надо, чтоб все об этом знали и помогали чем могли для победы над турками».

Груня и сама понимала: когда вершится великое и справедливое дело — а освобождение болгар от ига как раз такое дело, — никто не должен стоять в стороне.

И она стала рассказывать всё, о чём сама наслышалась длинной дорогой. Не забыла и о Самарском знамени, описала, какое оно и зачем его послали в Болгарию.

Её не перебивали, слушали, сочувствовали болгарам, готовые и сами помочь хоть чем-нибудь. Лишь одна женщина хмуро взглянула на Груню и заметила:

— Своих забот нам мало, что ль? А ты вот бросила хату и пошла невесть зачем. Отца-матери тебе не жалко?

Груня подавила обиду и укоризненно произнесла:

— Наверное, тётушка, ты не слыхала, как маются под турецким игом болгарские люди. Целых пятьсот лет! А прошлым летом поднялся там народ, да в одиночку не осилил супостата. Что же потом там творилось! Болгар загоняли в избы и храмы и живыми сжигали. Расправлялись без жалости.

— Ой, да что же они за нелюди, эти враги! Чего же они такие лютые? — ужаснулась тётка Устинья.

А Устиньин муж заметил:

— Надо торопиться вызволять болгар. Одним им никак не справиться, не осилить силу турецкую.

Женщина с хмурым лицом стала оправдываться:

— Я-то по-другому думала. Живут, мол, обоко солнца люди, нам незнакомые, какое до них дело? Неправа я.

Стоявший рядом с ней парень заулыбался:

— Что я тебе, маманя, говорил? Надо помочь. Вон с Михайловской дачи ушли добровольцы, я тоже пойду.

Мать всплеснула руками. И снова сердито крикнула Груне:

— Наговорила тут! — Схватила сына за руку и приказала: — Идём домой!

Парень послушался, пошёл, но упрямо проговорил:

— Ты не держи меня. Вон девка идёт на войну, да ещё пешком, а мне совестно сидеть дома.

И по лицу было видно, что никто его теперь не удержит — уйдёт непременно.

— Раскипятилась баба,— заметил кто-то со смехом,— обойдётся, она отходчивая. Ты не сердись на неё.

Ей пожелали счастливого пути и разошлись по домам с нечаянной мирской сходимки.

— Небось спать захотелось? — спросила тётка Устинья гостью.

— Да ещё как! — ответила та, зевая, и подумала с беспокойством: «Где тут все улягутся? Семья-то велика».

Но хоть и мала избёнка, а всех вместила, всем нашлось место. Кто лёг в горнице на полу, кто на печи — не испугался жары. А Груне постелили чистой соломы в кухне на широкой лавке.

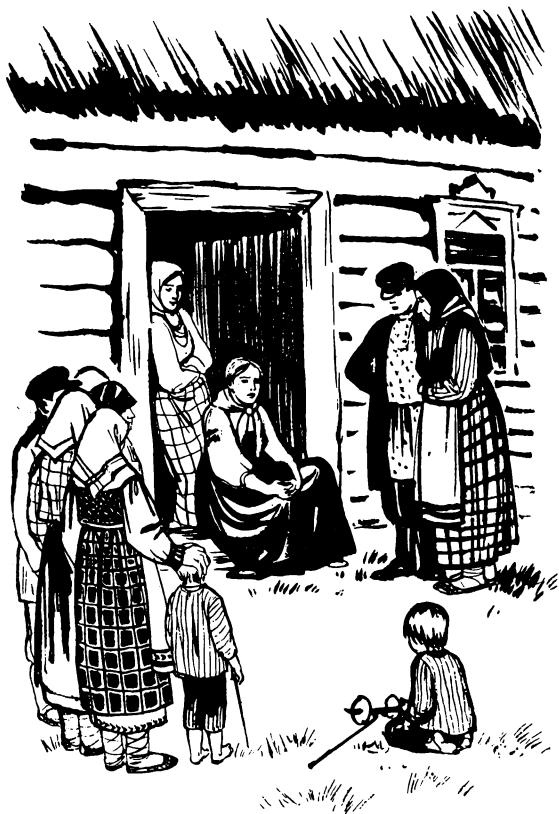
Ох, как она уморилась! Ножки-ходуножки гудят, разбитые, ведь всё босиком да босиком идёт. Но уснуть сразу не смогла. Встаёт перед глазами увиденное за день. А тут ещё часики-ходики мерно тикают на стене. И хозяйка возится рядом. То засыплет золой чуть тлеющие угольки, чтоб наутро раздуть огонь, тогда и спичек не придётся расходовать. То ворочает тяжёлые чугуны, то выйдет за чем-нибудь в сенцы или сарай. Много в крестьянском хозяйстве дел. Одно кончаешь, за ним ещё больше выстроилось в очередь.

Так и не дождалась Груня, когда хозяйка ляжет, уснула. Утром встала ни свет ни заря, а печка уже топится.

— Умывайся,— сказала тётка Устинья,— да поешь в дорогу, всё на столе.

А когда Груня позавтракала и взяла в руки свой посох, хозяйка разбудила старшую дочь.

— Смотри за печкой, чтоб пожару не случилось,— наказала она ей. И вышла проводить Груню, показать покоем тропку, которая ведёт к большаку.

— Прощай, тётушка Устинья, — поклонилась Груня доброй женщине, когда они вышли за околицу. — Сто лет тебе жизни.

— Тебе тоже, — ответила тётка Устинья. — На́ вот, возьми на дорогу. — И отдала ей свёрток с хлебом и кусочком сала.

Груня взяла.

— Спасибо, — поблагодарила она. — Буду тебя помнить.

— Иди, милая, — сказала ласково на прощанье тётка Устинья. — Побереги там себя.

И пошла не оглядываясь: некогда ей, дома дел непочатый край.

В ГОРОДСКОЙ УПРАВЕ

Всё чаще стали попадаться подводы, одни обгоняют, другие едут навстречу. Совсем близко губернский город Орёл.

Груня поднялась на возвышенность и оттуда увидела город на дне огромной котловины, там, где река Орлик впадает в Оку. На берегу дымятся трубы фабрик и городских бань. И далеко, глазом не окинуть, уходят улицы. Большой город Орёл.

Сердце замирает от волнения. Не затеряться бы ей тут, не испугаться. Дело у неё немаловажное, надо довести его до конца.

Идёт Груня и в мыслях разговаривает с важными особами, которые должны решить её судьбу. Она их ещё не знает, но будто видит перед собой и старается убедить, чтобы не отказали в её просьбе. Пусть только возьмут учиться, а она все силы отдаст ученью.

Но сначала надо разыскать городскую управу. Ольга Андреевна наказывала в Севске: «Обратитесь сразу в управу, там должны знать про общество Красного Креста».

Груня шла по городу и пугалась быстрых экипажей —

мчатся, будто волки их догоняют. Некоторые так и просто готовы были вылететь на тротуар, и не только Груня — все прохожие шарахаются от них в испуге.

Вокруг всё удивляло. Какие высокие дома! Длинные торговые ряды. А Воздвиженская площадь даже больше, чем Соборная в Севске.

«Театр». «Гостиный двор», — читала про себя Груня подряд все вывески. Хорошо быть грамотной, никого не надо просить почитать, что, мол, там, самой всё ясно.

Наконец добралась — перед ней дом с большими колоннами, городская управа... Она с трудом открыла тяжёлую дверь и вошла в здание управы. Но дальше порога её не пустили; строгий сторож спросил:

— Ты зачем сюда?

Груня поклонилась ему и сказала:

— Мне, мил-человек, узнать надо про курсы Красного Креста. Где они у вас тут?

— Не слышал про них, — ответил сторож.

— Да как же так? — всполошилась Груня. — Или я зря шла к вам столько вёрст? Что ж мне теперь делать, головушка моя горькая?! Хоть плачь.

Но не заплакала, только рукой махнула, будто отгоняя от себя неожиданную напасть.

— погоди, — сказал он подобревшим голосом, — не убивайся. Видишь, идёт господин, он тут работает, спросим его, может, ему что-нибудь известно про Красный Крест.

Сторож показал взглядом на спускавшегося по мраморной лестнице человека в шляпе и с зонтиком в руках. «Зачем ему зонтик, дождя нет?» — неожиданно для себя подумала Груня. Но потом увидела, что человек опирается на зонт, будто на костыль.

Сторож одёрнул пиджак и спросил господина про курсы Красного Креста. Тот удивился:

— Зачем они тебе понадобились?

— Не мне, вот она интересуется, — объяснил сторож и показал рукой на оробевшую Груню.

Господин окинул её насмешливым взглядом и спросил:

— Учиться задумали?

Груня с готовностью кивнула.

— А позвольте поинтересоваться, вы азбуку знаете? Сумеете «аз» от «буки» отличить? — с издёвкой продолжал он.

— И читать, и писать могу, — с достоинством ответила Груня. — А ты, барин, не смеялся бы, а лучше растолковал про курсы, коль знаешь что. — И добавила укоризненно: — У нас в Матрёновке никто не стал бы тебя высмеивать, помогли бы за милую душу.

Насмешливый господин сразу стал серьёзным, будто устыдился Груниных слов, и вежливо проговорил:

— В Орле нет курсов Красного Креста. Я знаю это определённо.

— А где ж тогда есть? — чуть слышно промолвила Груня.

— Скорей всего, в Москве. Так я полагаю, — раздельно и чётко произнёс он.

— А до Москвы отсюда далече?

— Вёрст триста будет.

Груня ахнула:

— Милые мои, далеко-то как! — И тут же решительно проговорила: — Делать нечего, надо идти.

— Неужели пешком? — удивился строгий господин.

— Триста вёрст — не ближний свет, — заметил сторож, — мужику и то не под силу.

— Ничего, — уже спокойно сказала Груня. — Ничего. — И попросила сторожа: — Сделай милость, укажи, по какую руку идти мне на Москву, как выйду из дверей, по левую или правую.

— Пойдёшь сразу направо, а там за первый угол завернёшь, — объяснил сторож и повторил: — Сразу направо, запомнила?

— Запомнила, — сказала Груня. — Теперь я пойду. Спасибо на добром слове. — И она вышла на улицу.

А господин и сторож стали рассуждать, дойдёт или не дойдёт девушка до Москвы.

— Отчаянная, — сказал о ней сторож с одобрением.

— Сильная, с характером, — задумчиво произнёс господин. И добавил с неудовольствием: — Ученье свет, а неученье тьма! Все учиться захотели. Пахать и сеять некому будет скоро.

Он почему-то рассердился, кивнул сторожу и вышел на улицу, сильно хлопнув дверью.

СЕЛЬСКАЯ СХОДКА

Груня завернула за угол и пошла широкой улицей в сторону Москвы. На окраине города сняла лапти, спрятала их в котомку и легко зашагала по стёжке, протоптанной вдоль большака.

К обеду она оказалась в селе Воздвиженском, расположенном прямо на её пути.

Село было большое. Посреди, на пригорке, возвышалась старинная церковь. Поблизости от неё — школа и лавка. Избы тянулись лишь по одной стороне. За каждой избой двор, за ним амбар, крытый соломой, потом огород.

Напротив каждой избы, через дорогу, выстроились деревянные клетушки. Хозяева хранили в них самое ценное: одежду, обувь, тканые вещи, зерно, чтобы не погубило ничего, случись невзначай пожар. В деревнях они не редкость. Жаркое лето прибавляет погорельцев.

Груня прошла всё село и у последней избы остановилась, попросила попить воды. Хозяйка зазвала её в избу. Как водится, начались расспросы, издалёка ль идёт да зачем.

— В Москву иду, — ответила Груня.

Хозяйка всплеснула руками от удивления и пригласила её к столу.

— Поешь, милая.

И всё удивлялась:

— А я гляжу, далеко это она идёт, босая, с котомкой? Подумала, что странница. Да ты садись за стол.

Груня отказалась:

— Спасибо, тётушка, я сыта. Меня уже покормили в посёлке.

В окно громко постучали. На стук вышла хозяйка вместе с Груней.

— Чего ты? — спросила она мужика, державшего в руках большую суковатую палку, ею он и стучался в окно.

— Хозяин дома?

— Нету. На что он тебе?

— Пусть на сходку идёт, про войну будут говорить.

— Он не скоро вернётся.

— Тогда сама ступай, — велел мужик. И пошёл дальше. То к одной хате подойдёт, то к другой, громко выкрикивая: — На сходку! На сходку!

— Придётся пойти послушать, — решила хозяйка.

— И я с тобой, — сказала Груня.

Они пошли вместе к волостному управлению. Там, возле церкви, всегда проходили сходки, решались важные житейские дела, общие хозяйственные: какое поле отдать под яровые, какое под озимые, как покосы разделить. А сейчас собираются говорить про войну.

На возвышенном месте стояли трое — приезжие из Орла. Женщина в чёрной юбке до пят и белой блузе и двое мужчин. Один из них, в светлом полотняном костюме, объяснял, кто они такие и зачем приехали в село Воздвиженское.

Они представители Славянского комитета и собирают пожертвования для Красного Креста и в помощь болгарским беженцам. Рассказал и о тяжкой участи болгар, вся надежда которых на Россию, от неё они ждут избавления от турецкого ига. Её зовут на помощь.

На сходку подходили всё новые люди, слушали тех, кто выступал, кивали, всячески выражая своё участие. Кто-то запоздавший спросил за Груниной спиной:

— Чего тут они глаголят?

В ответ Груня услышала:

— Болгарам надо помочь, вот чего, а ты спрашиваешь.

— Так разве я против? Надо помочь,— миролюбиво ответил тот, кто задавал вопрос.

Человек из Орла старался говорить как можно убедительней, чтобы до всех дошёл смысл его слов. Под конец он взволнованно произнёс:

— Время пришло! Поможем братьям-славянам! Пятьсот лет изнывают они под турецким игом и ждут нас сейчас с надеждой. В России звучит клич: «Спасём Болгарию!» И наш народ отзывается делом на этот клич. Одни отправились на войну добровольцами, другие помогают, чем богаты. Славянский комитет призывает и вас, уважаемые и достойные жители села Воздвиженское, помогите Красному Кресту! Помогите болгарским беженцам и детям-сиротам!

Мужик, созывавший народ на сходку, вскочил на большую бочку, чтоб его всем было видно, и крикнул:

— Люди добрые! Не останемся в стороне, поможем и мы!

Послышался одобрительный гул:

— А то как же! Неужто мы на это не способны? Надо помочь!

— Ура! — крикнул кто-то радостно, и его поддержали несколько таких же весёлых голосов.

Площадь перед церковью быстро опустела. Но ненадолго. Вскоре туда вновь потянулись люди, только уже не с пустыми руками, а с пожертвованиями. Несли что кому по силам: домотканые холсты и чисто вымытые рубахи, полотенца, тулупы, рукавицы, шерстяные носки. А один бедняк из бедняков принёс новые лапти — не захотел оставаться в стороне. Чем богаты, тем и рады.

— Зачем они? — удивилась женщина из Орла, которая принимала и записывала пожертвования.

— Может, наш солдатик из деревенских захочет их надеть,— не растерялся бедняк. И настойчиво потребовал: — Нет, ты уж возьми, уважь. Или наша копейка щербата?

Едва отговорили его. Он пожимал плечами: чем, мол, не угодил, новые лапти, хорошие.

Груня вздохнула, самой ей нечем помочь Красному Кресту. А ничего б не пожалела, лишь бы люди не страдали. Стать бы поскорей сестрой милосердия, тогда и от неё будет помощь.

Покидая Воздвиженское, она думала: «И тут живут отзывчивые люди, разом все откликнулись. Кто чем рад помочь.— И вздохнула: — Мне-то всё идти да идти, далеко ещё до Москвы, конца-краю не видно. Но всё равно дойду, раз уж мне такое испытание. Дойду»,— убеждала она себя.

И стала вновь отмерять вёрсты. С надеждой и верой в свои силы.

ЧУЖАЯ БЕДА

Груня шла от деревни к деревне, от города к городу, и душа её наполнялась любовью к земле и людям. Всё растёт кругом, цветёт, обещает знатный урожай. Всё есть для жизни. Реки обильны — вода в них прозрачная, леса богаты зверем и птицей, дороги не пустынные. То один человек встретится, то другой. Хоть незнакомый, а возьмёт и заговорит, слово скажет приветное, от этого силы прибывают.

Идёт она по Руси, как по родной деревне. В чью бы хату ни постучалась, к самому бедняку, а всё равно накормят, напоят, ночевать пустят. И проводят почётно. Такой обычай на Руси с давних времён.

Груня не отказывалась от еды и не отказывалась от милостыни, которую ей подавали сердобольные люди в дорогу. Видела, не последнее отрывают, есть хлебушек на столе. Так было и в самом начале её пути, и в Орловской губернии. Теперь Груня приближалась к Туле, до неё оставалось вёрст десять.

На реке Тулице среди курганов стояло небольшое село

Терехово. Она постучалась в крайнюю избу. На порог вышла женщина средних лет, в чёрном городском платье. Лицо бледное, печальное, седые пряди в тёмно-каштановых волосах.

— Пустите переночевать,— попросила Груня.

— Проходи,— пригласила тихим голосом женщина.

В комнате было четверо ребятишек, непривычно тихих.

— Ваня, разводи самовар,— велела женщина мальчику постарше.

Тот послушно вынес во двор самовар, налил воды, насыпал угольков и набросал сверху шишек.

Кипящий самовар хозяйка сама внесла в дом, поставила на стол, застеленный чистой белой скатёркой, и пригласила Груню пить чай. Ребятишки тоже сели за стол. Все получили по маленькому кусочку сахара и хлеба. Груня тоже, одинаковую со всеми порцию. Пили молча.

«Бедность-то какая,— подумала Груня.— Хлеба по крошечку, не хватит червячка заморить, и тот с лебедой. Точно такой у нас в Матрёновке пекли в неурожайный год после засухи».

— А ты, тётушка...— начала разговор Груня и спросила: — Как звать тебя?

— Александра Максимовна,— ответила женщина.

— Видно, ты, Александра Максимовна,— продолжала Груня,— случайно оказалась здесь. Ты же городская.

— Не совсем случайно,— вздохнув, проговорила женщина.— Здесь мой муж учительствовал. Недавно умер. А сами мы родом из Тулы...

— Мама! — перебила разговор девочка.— Дай ещё кусочек хлеба.

Старший мальчик одёрнул её:

— Где мама возьмёт? Забыла!

Груня даже вздрогнула от таких слов, сразу есть захотелось. Она вытащила из котомки краюшку хлеба, что ей дали в дороге, и поделила всем поровну.

— Как же дальше жить собираетесь, коль хлеба нет? — с тревогой спросила она Александру Максимовну.

— Не знаю,— промолвила та, подавленно вздохнув.— Скотины у нас нет, зерна почти никакого, картошки немного. Не мне одной, всем сейчас худо. Прошлым летом здесь случилась засуха, всё сгорело. Ни у кого хлеба нет. Терехово наполовину опустело. Кто в город на заработки ушёл, кто побираться в Орловскую губернию. Здешним крестьянам всем несладко, а нам и того хуже. Доживём ли до нового урожая?

Девочка, что просила хлеба, испуганно посмотрела на мать.

— Теперь мы умрём с голоду?

И заплакала, а за ней и остальные дети.

— Не плачьте, детки, не плачьте,— бросилась их утешать Александра Максимовна.— Не умрём, нет. Разве не найдётся нам чего поесть, кроме хлеба? Ведь лето на дворе. Травка всякая растёт, крапива, лебеда. Мы нарвём лебеды, смешаем с горсточкой муки, вкусный испечём хлебушек, за уши не оттянешь.

— У меня от хлеба с лебедой живот болит,— пожаловалась девочка.— Он зелёный и горький.

— А мы его с картошкой съедим,— утешала мать.— Ничего! На миру не пропадём.

Груня тоже утешала детей — мол, что верно, то верно: на миру не пропадёшь. Она задумалась, потом сказала:

— Ты бы, Александра Максимовна, в Тулу вернулась. Всё-таки родные места. Есть там у тебя кто из родни?

— Мужнин брат, деверь,— сказала она и в сердцах воскликнула: — Лучше б его никогда и не было!

Всю её семью обидел деверь, обездолил. Вышло это так. В Туле у Александры Максимовны был свой дом. Но жили они с семьёй не в городе, а в Терехове, где учительствовал муж. После его смерти она собрала свои пожитки, посадила детей на повозку и поехала в Тулу на житьё. Подъехала к воротам, а они на запоре. На крыльцо вышел деверь и сказал: «Дом теперь мой, мне его твой муж продал».

И показал поддельные документы. Так и не пустил её в дом.

Александра Максимовна рассказывала и с трудом сдерживала слёзы.

— Повернули мы от родного дома и приехали сюда. Здесь всё-таки полегче жить, чем в городе. Огород есть, да что-нибудь сошью людям. С голоду не помрём.

У Груни гневно сверкнули глаза.

— Судиться с ним надо! — вознегодовала она.

— Пыталась, — сказала как-то устало Александра Максимовна. — Пришла к адвокату, а он мне откровенно всё выложил: «Есть деньги — судись, а нет — не жди проку, пустое дело». — И добавила обречённо: — С сильным не борись, с богатым не судись.

— Нет и нет! — воскликнула горячо Груня. — Быть того не должно! Борись и судись! Возьми себя, тётушка, в руки, тебе детей надо спасать. А правда победит, я верю.

Женщина слабо улыбнулась. Её тронула Грунина горячность, то, что она близко к сердцу приняла чужую беду.

— Я понимаю, надо защищать себя. Большой грех впадать в унынье, оно от всякого дела отбивает. Спасибо тебе за участие. Я ещё поднимусь, воспряну. Дай срок от горя своего отойти. Ну, да ладно обо мне — ты о себе расскажи, — перевела она разговор на другое.

И, выслушав Грунин рассказ об её странствиях, задумчиво проговорила:

— Хорошо бы, нашёлся кто и о нас, бедняках, позаботился. Оно всегда так: далёкому скорей посочувствуют, на помощь поспешат, а кто бедствует рядом — того не замечают. Никому до твоей нужды дела нет.

— Не думай так, Александра Максимовна, — огорчилась Груня, — ведь у болгарских людей беда большая. Как тут не поспешить? Они же нас ждут, зовут на помощь. Не откликнемся — конец им.

— Разве я враг болгарам? — согласилась Александра Максимовна. — Конечно, надо помочь им.

Груня понимала её. Трудно живётся бедной женщине. Не о далёкой Болгарии сейчас её мысли. Дети есть просят, а у неё хлеб с лебедой, и того не досыта.

Она достала из своего потайного запаса рубль и отдала его бедствующей семье. Другой оставила себе — про самый чёрный день.

ВОТ ОНА, МОСКВА!

Отлетали дни, складываясь в недели. Позади остались крупные сёла и малые деревушки, лесные посёлки. Два города прошла Груня после Орла, уездный и губернский, один — Мценск, другой — Тула. И вот открылся перед ней город невиданной красоты, матушка-Москва. Наконец-то Москва!

— Какое нынче число? — спросила Груня случайного прохожего.

Он ответил:

— Пятнадцатое июня.

Внимательно взглянул на Груню — его удивил вопрос — и зачем-то добавил:

— 1877 года, если тебе хочется знать.

Груня благодарно кивнула. «Господи! Неужто добралась, — не верилось ей. — Добралась! — ликовала она. — Добралась!» Ведь это была её победа над всеми трудностями и препятствиями. Как же не ликовать!

На окраине Москвы она решила немного отдохнуть, набраться сил и подумать, как быть дальше. Умылась холодной водой из родника, переплела косу. За долгую дорогу она сильно загорела и похудела, сарафан стал совсем просторным, болтался на ней. Огорчили и лапти, как ни берегла, а всё ж изрядно поистоптались. Ну, не беда, покамест их хватит, а зарабатывает денег, купит ботинки.

Поглядев на свои ноги, вздохнула — разбиты до крови. Завернула их в онучи — белые холщовые портянки — и надела расписные лапти, плетённые из узкого лыка. Так-то

уверенней себя чувствуешь, не то что босиком — в городе ноги оттопчут.

По Москве Груня шла, во всё вглядывалась и замирала от удивления. Народу-то! Миллион! Можно целый день стоять и кланяться, всё равно не успеешь сказать всем «Здравствуй!». И главное, все спешат, куда-то летят. Хоть бы у кого-нибудь дознаться про курсы Красного Креста.

Спросила прохожего, он отмахнулся: тороплюсь, мол. Другой прохожий выслушал со вниманием, а помочь не сумел, сам про них не знает. Нашлись и такие, кто посмеялся над ней: о чём, мол, спрашивает, деревня, а тоже что-то о себе мыслит.

Но Груня не отступалась, терпеливо обращалась то к одному, то к другому. Не должно быть, чтобы не нашлось на миру человека, который смог бы ей помочь.

Она не ошиблась. Нашёлся все-таки знающий и доброжелательный человек, привёл её к дому, где находились курсы.

Груня долго стояла перед дверью большого здания, не решаясь открыть её. Потом набралась духу, толкнула тяжёлую дверь.

Её пустили в комнату, где отбирали желающих учиться на сестёр милосердия. Даже выслушали. А взять не взяли. Оказалось — не берут малограмотных, таких, кто едва только читать да писать умеет.

— А где берут? — спросила Груня. — Куда мне теперь пойти?

Пожилая женщина, ведавшая приёмом на курсы, с сочувствием сказала ей:

— К сожалению, в Москве нигде, только в Петербурге. Там есть община Красного Креста, где всех принимают.

Груня задумалась.

— А много вёрст до Петербурга? — спросила она, что-то решив про себя.

— Не меньше шестисот, — услышала в ответ.

Опомнилась только на улице. Всё пропало! Шестьсот

вёрст! Это же тьма-тьмущая. Самых крепких лаптей не хватит дойти туда. А дойдёшь, может случиться, всё понапрасну.

Прикинула в уме: больше двадцати дней идти её шагом до Петербурга. К тому времени и война кончится. Вот тебе и нá! Шла она сюда долго, шла, теперь начинай всё сызнова, той же дорогой, только назад, в свою Матрёновку. А дорога в городе запутанная: переулки, площади, тупики. Угадай теперь, куда повернуть, чтобы выйти к большаку, который ведёт из Москвы на Стародуб. Кого ни спросит, никто толком не знает. А кто-то, может, и знал, да не совсем точно указал, скорей всего, без злого умысла.

Но Груня не пожалела, что пришлось поблуждать по Москве. Таких чудес навидалась, всю жизнь будет вспоминать. И главное чудо — Кремль на Красной площади. Золотые купола соборов, колокольни, каменные стены с башнями, маленькие часовенки, ворота. Над Спасскими воротами — самая высокая башня с орлом на вершине, её украшают старинные часы.

Груня ахнула: «Уже полдень! И когда только время улетело!» Но уходить не спешила, хотелось всё разглядеть и запомнить.

Мимо прошёл пожилой господин в лёгком сером костюме с тросточкой в руке, с ним мальчик лет семи. У Спасских ворот он остановился, снял шляпу; глядя на него, и мальчик стянул с головы ярко-синюю шапочку. Оказывается, как узнала Груня из разговора господина с мальчиком, деда и внука, в Спасские ворота Кремля испокон веков полагаются входить с непокрытой головой. Ведь это священное место, свидетель героического прошлого Русской земли, и чтут его, как святыню.

А рядом собор Василия Блаженного. Груня подошла ближе, осмотрела со всех сторон и вновь увидела у входа в собор деда с внуком. Здесь они тоже стояли с непокрытой головой. «Иначе и нельзя, — невольно подумала Груня. — Перед этакой красотой грех стоять в шляпе. Неужто люди сотворили всё это своими руками?»

И в лад мыслям услыхала — дед объяснял внуку:

— А соорудили храм Василия Блаженного русские зодчие, Постник и Барма, как сказано о них в летописи, «премудрые к такому чудному делу». Поставлен же храм в честь победы над Казанским ханством. Ты запомни это, постарайся.

Мальчик кивнул головой; глаза серьёзные, вдумчивые — обязательно запомнит.

Дед и внук вошли внутрь собора, а Груня, в последний раз оглядев дивной красоты собор, составленный из разноцветных башенок, медленно пошла по Красной площади, к Москве-реке.

На время даже забыла про неудачу. Так всё было кругом необычно, интересно. Все земные заботы отступили перед тем, что она увидела, но покинула Красную площадь, и сразу стало грустно, даже какое-то отчаяние нашло. Вспомнился сон, что приснился наемдни. Сон со значением, будто идёт она по лугу и речка перед ней. А надо на другой берег. Поднялась на узкий мосточек, пошла; мосточек взял и обломался, прямо перед ней. Оглянулась назад — и там тоже обломался. До одного берега далеко, и до другого не близко, а она плавать не умеет. И нет ей пути ни вперёд, ни назад.

То был сон, а сейчас похоже сложилось наяву. Вестимо, назад ей путь не заказан, а вот вперёд — оборвался. Незачем и некуда идти.

С горькой досадой покидала Груня Москву в тот же день, в какой и пришла.

Она шла разными улицами и переулками, сбивалась в пути. То попадёт в тупик, то свернёт в ненужный переулок. И вдруг остановилась как вкопанная, будто услышала тайный приказ. «Что же это я делаю! — прикрикнула она на себя. — Куда иду? И зачем поддаюсь унынию? Мамушка ведь что говорила: «Потрудись, Груня, на войне». И люди из Матрёновки сердечно пожелали: «Терпение и любовь тебе». А я голову потеряла от досады, закручинилась».

И она тут же обратилась к проходившему мимо старику:

— Дедушка, мне нужна дорога, что в город Петербург ведёт. Может, укажешь?

— С величайшим удовольствием, — ответил старик. — Ступай прямо, пройдёшь всю улицу, в конце спросишь Красные ворота, оттуда недалеко и до Николаевского вокзала. Там тебе растолкуют, на какой поезд лучше садиться.

Поездом Груня не собиралась ехать: у неё не было на билет денег. Всего один рубль остался, так его про чёрный день надо приберечь. Какой там поезд? Она пешком доберётся до Петербурга. Эка важность! Столько уже прошла, одолеет и эти шестьсот вёрст.

Груня добрела кое-как до Николаевского вокзала, оттуда мимо Марьиной рощи прошла ещё вёрст восемь и вышла к первой от Москвы остановке по Николаевской железной дороге, к платформе Петровско-Разумовская.

Она приободрилась, успокоилась, и было такое настроение, будто именно сию минуту началась её главная дорога к заветной цели. Всё остальное было лишь подступами к ней.

МИР НЕ БЕЗ ДОБРЫХ ЛЮДЕЙ

На Петровско-Разумовской платформе Груня растерялась. В какую сторону податься? Некого спросить. Повернула наугад, куда вывезет.

Навстречу ей шёл очень прямой походкой мужчина средних лет. Лицо приметное, будто из крепкого камня вырублено, лоб высокий, открытый, взгляд доброжелательный.

— Добрый человек, — окликнула его Груня, — не укажешь ли мне дорогу на Петербург? Совсем я тут потерялась. Не знаю, куда идти.

Незнакомец сразу остановился и спросил:

— А ты какую деревню ищешь?

— Я не про деревню говорю, — возразила Груня. — Мне нужен сам Петербург.

— Вот как? — удивился мужчина. — Разве тебе не известно, как далеко до него отсюда?

— Слыхала, вёрст шестьсот.

— И дойдёшь?

— Надобно, — ответила Груня просто. — Я ведь от самого Стародуба иду, чай, уж месяц в дороге. Счёт дням потеряла.

— Шутить изволите? — недоверчиво проговорил мужчина.

И внимательно посмотрел на неё. Взгляд серьёзный, умный, собой миловидная, одета опрятно, светлая коса чуть не до пят. Обыкновенная крестьянская девушка. Право же, удивительно, каким образом она оказалась здесь, если идёт из-под Стародуба?

— Что же тебя побудило направиться в такую даль? — спросил он.

— Война, — вздохнув, ответила Груня. — Небось ты и сам знаешь, что мы воюем с турками. — И она, слово за словом, стала рассказывать о себе: как шла от Стародуба до Москвы, про мирскую сходку в селе Воздвиженском — как народ сочувствует болгарам. И о том, что её не приняли в Москве учиться на сестру милосердия. Потому она теперь и идёт в Петербург. Говорят, что только там берут в ученье таких, как она, малограмотных.

Груня говорила неспешно, несуетливо. Взглянет украдкой на собеседника, не утомила ли его словами, и снова продолжает. Видит, что он слушает её усердно, да ещё расспрашивает сам обо всём. И глаза участливые, в душу заглядывают. Такому человеку можно довериться, всю свою жизнь раскрыть.

— Ой, — спохватилась вдруг Груня, — заговорила я тебя, добрый человек. Ты лучше скажи, что дальше, за этой станцией?

— Дальше — Химки, за ними Крюково, Клин, — стал подробно перечислять он.

Груня попросила:

— Напиши мне крупными буквами названия на бумажке.

Дорога научила её предусмотрительности. Бывает, что один человек правильно растолкует, куда и как идти, другой же сам собьётся и тебя собьёт. Коль будет на бумажке написано, не надо объяснять никому, далеко ли идёшь и зачем. А только спросишь нужное название: Клин, или Крюково, или ещё какое-нибудь.

— Неужели всё-таки пойдёшь? — снова спросил Добрый человек (так назвала его Груня про себя). И не для того, чтобы отговорить, а чтобы она могла более явственно представить себе, какие трудности ждут её в дороге, сказал: — Отсюда путь намного тяжелей, чем от Стародуба до Москвы, особенно если взять ближе к Петербургу. Места там глухие, болотистые; дремучие, непроходимые леса. Тебе не страшно будет?

— А что поделаешь? — спокойно рассудила Груня. — Мне надобно идти непременно.

Добрый человек поглядел на неё долгим изучающим взглядом, как будто пытался разглядеть в ней что-то скрытое. Груня смутилась от его взгляда, поправила платок на голове и перекинула косу через другое плечо.

— Послушай, — сказал он, — мы с тобой разговариваем, а всё ещё не познакомились. — Протянул Груне руку и представился: — Михаил Николаевич Алексеев.

Девушка ещё больше смутилась, покраснела, потом с достоинством поклонилась и ответила:

— Меня Груней зовут, Аграфена Тимофеевна.

— А фамилия?

— Фамилия наша Михайловы. У нас в Матрёновке подряд все Михайловы, и родные, и соседи.

— Так вот, Аграфена Тимофеевна, — сказал Михаил Николаевич. — Я сейчас напишу письмо своим друзьям в Петербург и попрошу, чтобы они тебе помогли определиться на курсы сестёр милосердия. Я ведь сам петербуржец, в Москве

нахожусь по работе. Профессия у меня такая, что приходится много ездить. Я адвокат, или защитник, как тебе угодно. А случается, пишу статьи в газеты про таких людей, как ты.

Груня застенчиво улыбнулась, приняв его слова за шутку. Что можно про неё написать? Как шла, поспешала, истоптала лапти, и всё покамест без толку?

А за письмо, которое ей может посодействовать, низкий поклон.

— Я теперь не то что дойду — на крыльях долечу до города Петербурга с твоим письмом, — сказала она счастливым голосом.

— Нет, Аграфена Тимофеевна, — возразил Добрый человек, — время не ждёт, а до столицы вёрст не сосчитать. Пока ты дотащишься туда пешком, не останется времени на учёбу. Тебя ведь ждут раненые. Поезжай-ка лучше поездом.

— Ничего, — бодро ответила Груня, — доберусь и пешком. Сил у меня хватит, не думай.

Михаил Николаевич уже давно понял, что у неё нет денег на билет, и сказал просто, будто близкий человек:

— Я тебе дам денег на билет.

Груня ужаснулась и замахала руками:

— Что ты! Что ты, Добрый человек Михаил Николаевич! Разве можно? Да я лучше пешком пройду лишние вёрсты. Мне так привычней.

Михаил Николаевич принялся её уговаривать:

— Послушай, друг мой, разве бы ты сама не выручила, если бы мне нужна была помощь? Возьми, прошу тебя, хотя бы в долг, заработаешь — вернёшь. Надо торопиться, а ты препираешься. Поверь мне, ты обязательно станешь сестрой милосердия. И надо, чтоб это было так.

Груня стояла молча, опустив голову.

— Прощу тебя, — уговаривал он. — Люди должны друг другу помогать. Тем более во имя такого святого и правого дела. — И уже совсем решительно проговорил: — Едем вместе на вокзал. Я сам куплю билет. Хорошо?

Груня не стала больше отказываться. Она рассудила: знать, должно быть так, а не по-другому.

Михаил Николаевич подозвал извозчика, который стоял недалеко от платформы, и они поехали назад в Москву.

Вокзал был огромный, какой-то гулкий, и Груня растерялась. Люди суетятся, толкаются, того гляди, с ног собьют. И как тут разберёшься, где кассы с билетами, где посадка? Нет, пешком лучше идти — вольная дорога, просторная.

Но всё оказалось гораздо проще, чем представлялось Груне. Добрый человек оставил её в зале ожидания, а сам сходил и купил билет на вечерний поезд. Потом объяснил, с какой платформы следует садиться и в какой вагон. По своей привычке Груня всё основательно утвердила в памяти, повторив про себя наставления Доброго человека, чтобы потом чего не напутать. Первый раз в жизни едет на поезде, есть отчего потеряться.

— Да ты не робей, Аграфена Тимофеевна, — весёлым голосом подбодрил её Михаил Николаевич, — всё пойдёт на лад, сама увидишь. Всё устроится, как нужно.

От его слов и мягкой улыбки Груня и впрямь сразу приободрилась.

Михаил Николаевич написал обещанное письмо в Петербург, отдал ей и сказал:

— Не потеряй смотри.

Груня только улыбнулась в ответ и напомнила Доброму человеку:

— Ты не забудь, запиши мне свой адрес, чтобы я могла долг тебе вернуть, как заработаю деньги.

— Вот моя визитная карточка, здесь всё обо мне, — сказал он и протянул Груне небольшую карточку, на которой был указан его адрес. — А это, — он вынул из кармана бумажник, — вот тебе деньги, купишь себе чего-нибудь поесть. Уверен, что с утра ещё ничего не ела.

Но Груня не захотела взять денег. Когда её кормили в разных деревнях, она вместе с хозяевами садилась за стол,

такое было в обычае. У них в Матрёновке тоже не отпустят из дому, кто бы ни зашёл в избу переночевать, не накормив его. Деньги же — это вроде подаяния. Нет, она не возьмёт их.

— Не надобно мне, — отказалась она наотрез. — Ненадобно. А про чёрный день у меня найдётся.

— Тебе виднее, — не стал уговаривать её Михаил Николаевич. Он понял Груню, её независимый характер. — Счастливого тебе пути и успехов в учении, — пожелал он. — Искренне рад знакомству. — Пожал руку на прощанье и ушёл.

Груня сразу почувствовала себя осиротевшей. Как же она теперь справится одна? Кругом люду всякого — тьма! С чемоданами, с мешками через плечо, а кто с цветами, не то встречает кого-нибудь, не то провожает, и все громко перекликаются. Шумно, многолюдно, как на ярмарке в Севске.

Стоит, растерянно оглядывается, неприятно ей в этой суетлоке. «Да что-то я потерялась? Не в лесу ведь, люди кругом, — укорила она сама себя. — На миру не пропадёшь. Что не так, спросить кого-то можно. Всяк посоветует, что делать».

Но спрашивать не пришлось, так понятно всё объяснил Михаил Николаевич. Без труда отыскала платформу, на которую приходил её поезд, нашла и место в вагоне. Кондуктор дал свисток, поезд тронулся, загромыхал и пошёл.

Сначала ей было немного боязно: не на подводе едет. Но очень скоро улетучились все страхи, и она прильнула к окошку.

Как же всё там интересно! Летят вёрсты, будто у них за спиной крылья. Не сравнить с тем, как она шла пешком. Там, где ей нужно было целый день пройти, поезд за один час одолевает расстояние. Только что были Химки, глядь — Сходня; проехали вёрст восемьдесят — вот вам город Клин. Не чудо ли?

Какая просторная наша земля! Идёшь, едешь, а ей конца и края нет. И людей много всяких встречается. Жила

в Матрёновке, одних своих деревенских знала — хорошие люди. Оказывается, и за Матрёновкой люди ничуть не хуже. И всех, кто ей добро сделал, она навечно будет помнить.

Вот Михаил Николаевич, кто он ей? Чужой ведь совсем, а позаботился, как родной. Такого человека нельзя забыть.

Давно так хорошо не было у Груни на душе. А тут ещё увидела в окошко звезду-путеводительницу и обрадовалась, как будто земляка в дороге повстречала. Сейчас она и над Матрёновкой светит, кому-то путь указывает, как ещё в малолетстве указывала ей самой.

Идёт поезд, постукивают колёса. Все уже давно спят в вагоне. А Груня, как обычно, когда разволнуется, не может уснуть. О прошлом вспоминает, думает о будущем. В прошлом всё понятно, там она сама хозяйка, всё, что произошло, ей принадлежит, и никто ни отнять, ни изменить не может. А будущее не совсем в её власти: может сложиться и так и по-другому. Будущее — это тайна.

«Ничего! Ничего!» — шепчет Груня, засыпая.

А в окно заглядывает звезда-путеводительница. Будто добрый привет из родной Матрёновки.

БЕЛЫЕ НОЧИ

Исполнилась заветная Грунина мечта: она поступила учиться на курсы сестёр милосердия. Нет, не письмо Доброго человека, Михаила Николаевича, помогло ей, а собственный характер.

Правда, сначала она даже пыталась найти друзей Михаила Николаевича. Но ей не повезло. Было как раз такое время, когда петербуржцы выезжают на дачу. Уехали и они. Пришлось Груне набраться решимости и действовать самостоятельно.

Она явилась в общину Красного Креста, где отбирали учениц на курсы сестёр милосердия, и предстала перед комиссией для собеседования. С ней долго говорили, зада-

вали разные вопросы. На одни она ответила, на другие не смогла. И хотя понравилась своими дельными ответами, её всё-таки не приняли. Посчитали, что ей трудно будет учиться. На курсах надо много заучивать, уметь слушать лекции и записывать. И хотя бы немного разбираться в анатомии. А она и слова такого не слыхала.

Груня вышла в коридор и долго стояла у окна, пока не разошлась комиссия, проводившая собеседование. Но чуда не произошло, никто её больше не спросил ни о чём. И решение не изменили.

«Что ж теперь делать? Всё пропало бесповоротно. Некуда больше податься». Она сердито смахнула слёзы, натянула котомку на плечи, взяла посох в руки. Сейчас остаётся только одно: отправиться на вокзал. Там она переночует, а на рассвете вновь зашагает пешком из Петербурга на Стародуб. Денег на обратный билет у неё не было. «Вот и настал самый чёрный день», — подумала она. И такое у неё было на лице отчаяние, что проходившая мимо девушка остановилась рядом и участливо спросила:

— Случилось что-нибудь? Может, я могу помочь вам?

Груня безнадёжно махнула рукой.

— Ну всё-таки? — не отступалась девушка и представилась: — Вера Мелентьева, только что зачислили на курсы сестёр милосердия. А вас как зовут? — спросила она.

Груня неохотно назвала своё имя и с недоверием оглядела девушку. Одета в светлое кружевное платье, золотые серёжки, туфельки на каблуках. Какое ей дело до простой крестьянки? Но нарядная девушка не уходила, и Груня рассказала ей о своей неудаче.

Вера оказалась решительной.

— Ты должна поступить, — твёрдо сказала она. — Идём сейчас же, не откладывая, к Алфёрову Александру Игнатьевичу. Он известный профессор, хирург, и главное — председатель приёмочной комиссии. Я знаю, где он сидит, пой-

дём к нему.— И она потянула упиравшуюся Груню по коридору, повторяя: — Он всё поймёт. Я попрошу за тебя.

— Лучше я одна пойду, сама за себя скажу,— решила Груня.— Пусть разом всё решится, как должно быть. Не надо просить за меня.

— Иди! — подбодрила её Вера, когда они подошли к дверям кабинета Алфёрова.— Иди! Я тебя подожду.

И осталась ждать в коридоре.

Алфёров принял Груню. Она взглянула на его строгое лицо и в первый момент оробела: очень похож на отца Клаши и Евлаши. Такой же сухопарый, и борода клинышком. Не посочувствует, не поймёт — нечего даже и просить. Но отступить от задуманного не умела.

А профессор молча ждал, что скажет ему посетительница. Таких у него на приёме ещё не бывало: в городском платье и в расписных лаптях, за спиной — котомка (не бросишь же в коридоре!), в руках — посох.

— С чем пришли, рассказывайте,— сказал он наконец.

— Хочу стать сестрой милосердия,— сразу начала Груня,— а меня не приняли. Говорят, мол, не по силам тебе такая ноша. Трудно, мол, будет. Я и не отрицаю, что трудно. А старанье зачем? — И с обидой в голосе проговорила: — Они мне про анатомию толковали. А по-русски не объяснили, что это такое.

— Наука о строении человека,— пояснил Алфёров, с любопытством глядя на девушку.

— Пусть я пока ещё не знаю, как человек устроен, когда же мне расскажут, буду знать. Я быстро всё запоминаю. Сам проверь, скажи что-нибудь, я запомню,— боролась изо всех сил Груня за то, чтоб её взяли учиться.

— И стихи запоминаешь? — уже весело спросил Алфёров.

— А то нет! — ответила Груня смело.

— Хорошо! — сказал он, озорно блеснул глазами и, чуть понизив голос, произнёс:

Душно! без счастья и воли
Ночь бесконечно длинна.
Буря бы грянула, что ли?
Чаша с краями полна!

Запомнила? — спросил он, уверенный, что нет.

Но Груня повторила слово в слово и, улыбнувшись, добавила:

— Как же не запомнить? Здесь всё складно и понятно. Ты что потрудней спроси.

— Ну, слушай потрудней, тоже стихи Некрасова:

Природа-мать! когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни...

Но и эти стихи, хоть и не с такой лёгкостью, Груня повторила.

— Да, — согласился Алфёров, — память у тебя отменная. А теперь расскажи о себе. Откуда ты? И почему хочешь быть сестрой милосердия? Поставь же, пожалуйста, свой посох куда-нибудь и сядь.

Судьба Груни была в тот день решена. Её зачислили на курсы и выделили пособие, чтобы она смогла их закончить.

Она поселилась в маленькой комнатке, в трёхэтажном доме на Фонтанке, между мостами Египетским и Калининским. Оттуда недалеко добираться на занятия при военном госпитале.

Трудно было входить в непривычную жизнь. Надо много запоминать и заучивать, особенно сложной наукой оказалась анатомия. Вот уж никогда раньше не предполагала, как много следует знать о человеке, чтобы ему помочь, вылечить его. Знать, как он устроен, на память, будто стихи.

Всего шесть недель отводилось на учёбу. А как много нужно было постигнуть за этот короткий срок! И самое важное — научиться понимать состояние больного и раненого, уметь перевязать раны, приготовить лекарства, помогать при операциях.

И Груня не теряла ни минуты, истово трудилась. Утром и днём была на занятиях в госпитале. А дома всё, чему учили, заучивала наизусть. И так до глубокой ночи.

Только — вот странно! — ночей-то в Петербурге вовсе не было. Поздний час, а всё ещё светло. И не оттого, что месяц светит. В Матрёновке и при месяце, когда полагается, темнеет, лишь звёзды мерцают на небе, но они не мешают спать.

Здесь же и звёзды другие: не золотые, жемчужные. И месяц — светло-зелёный. Вокруг всё видно и не видно, будто подёрнуто полупрозрачной дымкой.

Деревья у Калинкиного моста не отбрасывают тени, и памятники тоже, и дома. Город — без тени. И тихо-тихо, молчит всё.

Белые ночи над Петербургом...

«Чудотворство!» — шепчет Груня в который уж раз. И с трудом засыпает.

ЛЕКЦИЯ ПРОФЕССОРА АЛФЕРОВА

В большом зале Петербургской медико-хирургической академии собрались врачи, студенты, сёстры милосердия — все, кто в ближайшее время отправится на фронт. Ждали выступления профессора Алфёрова, ученика знаменитого хирурга Пирогова.

Груня сидела в первом ряду, чтоб не упустить ни единого слова профессора, который так счастливо решил недавно её судьбу. Да и запоминалось ей легче, когда она видела лицо учителя.

Алфёров вошёл подтянутый, быстрый, внимательно оглядел слушателей и начал лекцию о военных госпиталях и перевязочных пунктах, о помощи раненым на поле сражения, о милосердии.

Он говорил просто, будто вёл беседу с каждым с глазу на глаз, и Груня легко запоминала. Даже успевала кое-что записать. А вот и совсем близкое ей: рассказ о людях её профессии.

— Только любовь и самопожертвование делают ваш труд истинно милосердным,— говорил он, обращаясь к сидящим в зале сёстрам милосердия.— Солдату важно знать: если ранят его, он не останется без помощи, его не бросят умирать от ран. Надежда и вера придают ему силу и отвагу, ведут к победе. Пусть вдохновит вас пример героического служения своему долгу участниц Крымской войны.

И он, сам участник Крымской войны, напомнил о Даше Севастопольской. Тогда, в ту войну, которая происходила немногим более двадцати лет тому назад, против англо-французских войск, высадившихся на Крымском полуострове, женщин не брали в армию. И совсем ещё юная Даша выдала себя за матроса. Остриглась, надела матросский костюм и в таком виде попала на поле сраженья. Во время битвы у реки Альмы она остановила повозку в небольшой ложине под деревьями и начала оказывать помощь проходившим мимо раненым. Поила их, перевязывала раны, и так до конца боя. О её поступке узнали в Севастополе, и она уже больше не скрывалась. Работала в женском платье дни и ночи, на перевязочных пунктах и в госпиталях, порой помогала при операциях. За спасение многих жизней её наградили серебряной медалью.

— Такие у вас были прекрасные предшественницы,— всматриваясь в лица сестёр милосердия, сказал Алфёров.

Груне показалось, что он узнал её и ей сказал эти слова. Она была взволнована — в Даше Севастопольской она почувствовала родную душу. Подобно отважной Даше, она готова была отдать жизнь свою за людей. Какое счастье, что сейчас не нужно таиться и переодеваться в солдатскую одежду, чтоб попасть на фронт. За это, как сказал Алфёров, надо благодарить Пирогова. Он много сделал, чтобы допустили женщин на передовые линии. Сумел убедить всех, кто был против, как необходим и дорог там самоотверженный труд сестёр милосердия.

Из зала кто-то прислал Алфёрову записку. Он прочитал её вслух:

— «Где сейчас Пирогов? Почему нет его в академии?»

Сейчас Николай Иванович не у дел и живёт где-то под Киевом,— медленно, с каким-то скрытым вызовом проговорил Алфёров.— Великий патриот и замечательный учёный остался не у дел,— продолжал он,— потому что нетерпим ко всякому злу и неправде. Но я уверен, что его ещё позовут послужить делу милосердия, делу спасения человеческой жизни. Он нужен России!

В зале раздались аплодисменты, кто-то из студентов крикнул:

— Слава Пирогову! Мы помним его!

На лице Алфёрова появилась улыбка. И уже спокойным голосом он продолжал лекцию о помощи раненым на поле сраженья.

ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК

Груня шла домой и в уме повторяла всё, о чём услышала на лекции Алфёрова. Утверждала в памяти.

Хотелось есть. Дома был хлеб — главная её еда, хлеб с чаем, через день гречневая каша. Но сегодня по строгому Груниному распорядку каша не полагалась. Иначе не дотянуть до следующего пособия. А на то, что ей выдали, она купила ботинки: в лаптях не пойдёшь на занятия.

«Ничего, выдюжим,— подбодрила она сама себя.— Другим хуже приходится». Вспомнилась обиженная вдова из-под Тулы, Александра Максимовна, и зелёный хлеб с лебедой по норме. Вот где настоящее бедствие! И помощи ждать неоткуда.

Груня приближалась к дому. Подошла к парадному входу и не поверила своим глазам: там стоял Михаил Николаевич. Добрый человек! Сердце заколотилось от радости, на лице появилась застенчивая улыбка. Даже поверить не решалась, неужели это он? Неужели нашёл её!

Михаил Николаевич шагнул навстречу и протянул ей обе руки.

— Дай-ка я на тебя погляжу, — громко сказал он. — Тебя не узнать, Аграфена свет Тимофеевна. Гляди, какая красавица!

Он и впрямь удивился. В памяти запечатлелась совсем другая Груня: утомлённая своим путешествием, чуть ли не в тысячу вёрст, и немного растерянная. Скорее, даже какая-то оглушённая громадой впечатлений, которые обрушились на неё. Он запомнил Груню в сарафане, выгоревшем на солнце, ситцевой кофте, в лаптях, за плечами котомка, в руках посох. А сейчас перед ним настоящая барышня!

И вся светится от счастья.

— Как вы меня нашли? — спросила она удивлённо.

— Старался. Все общины Красного Креста обошёл. Спрашивал: не значится ли у вас ученицей Аграфена Тимофеевна Михайлова? Та самая, что отважно пустилась в путешествие из-под Стародуба прямёхонько в Петербург?

Он говорил шутливо, подтрунивая над ней и над собой, преувеличивал трудности, связанные с её поисками. В глазах — весёлые искорки: гляди, мол, какой я герой. Потом уже серьёзным тоном сказал:

— Я ведь, Груня, искренне был уверен, что ты поступишь учиться, добьёшься своего. Спасибо тебе. Когда повешишь в человека и не обманешься — вроде дорогого подарка получил. Ты согласна со мной?

Груня смутилась и промолчала. Ей хотелось сказать о многом: как она благодарна ему, как ждала, разговаривала с ним в мыслях. Но произнесла совсем не то:

— Я скоро верну вам долг, не беспокойтесь.

— Вот тебе и нá! — укоризненно проговорил Добрый человек. — Разве я за тем пришёл? Мне хотелось повидаться с тобой, узнать, может, помощь тебе нужна.

— Спасибо, Михаил Николаевич, — растроганно проговорила она. — Мне так хорошо, так хорошо!

— Ну и славно. — И спросил: — У тебя есть свободное время?

— Нисколечко,— вздохнула она и пошутила: — Хоть бы займы где взять, да отдавать потом будет жалко. Нисколечко нет времени,— повторила она.— Надо завтра заучить всё, что нынче объясняли. У меня уже много чего записано в тетради.

— Молодец, серьёзно относишься к учёбе,— похвалил её, как маленькую, Михаил Николаевич.— Корень учения горек, а плод его сладок. И дальше постигай свою науку с усердием. Но сегодня позволь себе поблажку. Я хочу показать тебе Петербург, и поговорим дорогой; расскажешь, как тебе живётся.

Груня растерялась:

— А уроки?

— Ничего с ними не случится. Позанимаешься подольше вечером, не поспишь,— решил за неё Михаил Николаевич.— Ступай, отнеси тетради домой, я тебя внизу подожду. Договорились?

— И то правда,— охотно согласилась Груня.— Успею — выучу, всё равно долго не засыпаю, на белые ночи гляжу, диву даюсь, отчего они такие.

Она поднялась в свою комнатку и вернулась тотчас, будто боялась, вдруг это ей всё привиделось. Глянет, а Доброго человека вовсе и нет. Но глянула — не привиделось ей: стоит Добрый человек, ждёт её.

НА НЕВСКОМ ПРОСПЕКТЕ

День был необычный для Петербурга, на редкость солнечный, хотя и не жаркий. Как радостно было идти по Невскому проспекту, самой красивой улице города, не одной, а с Добрым человеком, идти и разговаривать с ним. Всё ему, оказывается, интересно знать о ней: и когда родилась, и где жила, про братьев Егора и Фёдора и про то, как она задумала идти учиться, чтобы её взяли на войну. Груне и самой удивительно, как ей легко говорить с ним. Слова сами находят, и робость куда-то отступила. Видно, оттого,

что он слушал вдумчиво, серьёзно и в то же время успевал подбодрить её улыбкой, неожиданной шуткой. Вокруг было много народу, но она видела только одного его на шумной улице.

Но вот Михаил Николаевич взял Груню за руку и сказал:

— А сейчас помолчим, будем переходить на ту сторону. Смотри в оба.

Не простое дело — перейти Невский проспект. Груня едва сдерживалась, чтоб не броситься бежать. Ей казалось, что все экипажи летят на неё, только чудом проносятся мимо. Наконец они благополучно переходят дорогу, оказываются на другой стороне Невского. И её уже больше не пугает топот лошадей, звон подков, крики кучеров. Она во все глаза смотрит вокруг, всё запоминает, удивляется про себя.

Груня уже успела за то короткое время, что живёт в Петербурге, кое-что подметить из жизни столичного города. Как и Матрёновка, он просыпался рано. Только в Матрёновке все поднимались с петухами и занимались одинаковой крестьянской работой, а здесь всяк знал свой час. Раньше всех проезжают куда-то ломовые извозчики по Калинкиному мосту — ей видно из окна. Потом лавочники открывают свои лавки, кухарки идут с корзинками за провизией. Подносчики воды вдвоём несут кадушку с водой. Идёт простой люд.

А к полудню начиналась другая жизнь. Улицы наполнял служебный народ: чиновники, офицеры, конторщики. Их Груня обычно не видит, в это время она занимается на курсах сестёр милосердия. Зато сейчас увидела, как живёт Невский проспект в три часа дня.

По Невскому проспекту прогуливались богато одетые люди, одни — пешком, другие едут в роскошных каретах. Знакомые раскланиваются, но большинство идут важно, ни на кого не глядят.

Груня почувствовала себя здесь не на своём месте, будто без спросу вошла в чужой богатый дом.

— Выше голову! — сказал вдруг Михаил Николаевич. Всё-то он понимает. — Знаешь, куда мы сейчас с тобой пойдём? На Мойку. К дорожному для всех русских людей месту. Смотри и запоминай, что увидишь.

Они вышли на Мойку, и Михаил Николаевич сказал:

— Вот здесь, Груня, не так уж и давно, лет сорок тому назад, проходил великий человек, Александр Сергеевич Пушкин. Ты слыхала когда-нибудь о нём?

Груня даже обиделась.

— Разве есть люди, кто бы его не знал? Я даже его стихотворение помню наизусть.

— Ты ещё всего Пушкина прочитаешь, — сказал Михаил Николаевич. — И не только его. А теперь посмотри — вот дом, где он жил последние годы. Здесь он и умер, смертельно раненный на дуэли. В то время нашему гениальному поэту шёл тридцать седьмой год. Как это мало! Я сюда часто прихожу. Будто близкого человека идёшь проведать. Да так оно и есть! Пушкин всем нам очень близок. Без него нашу жизнь невозможно себе представить.

— Я запомню этот дом, — пообещала Груня, сдерживая волнение. — И другим буду про него рассказывать.

— Этого мне и хотелось, — сказал Михаил Николаевич.

От дома на Мойке, где когда-то жил Пушкин, они направились к Сенатской площади, посмотреть памятник Петру Великому. Об этом прославленном царе Груня слыхала ещё в Матрёновке и своей крепкой памятью запомнила имя основателя Петербурга.

Сначала они подошли к Исаакиевскому собору, царившему над Невой. В солнечный день он был особенно прекрасен со своим величественным куполом, сияющим на солнце.

И вот знаменитый памятник. Конь взлетел над гранитной скалой, на коне Пётр Великий в тоге — римской одежде, в руке фельдмаршальский жезл. Конь топчет копытом змею.

С восторгом и некоторым страхом глядела Груня на памятник Петру Первому. Какая сила в нём могучая! За ней

наблюдал Михаил Николаевич, его обрадовало, с каким интересом смотрит она на памятник.

— Послушай, Груня,— сказал он и стал читать стихи:

На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел. Пред ним широко
Река неслася...

Знаешь, кто это написал? Пушкин,— пояснил он.

— Всё тут правда! — воскликнула Груня.— Вон какой задумчивый и грозный стоит царь, Нева перед ним, а он на город рукой показывает.

И, оглядев снова памятник со всех сторон, заметила:

— Хороший здесь мастер работал, навеки поставлено. И красиво.

Михаил Николаевич быстро взглянул на неё и неожиданно подумал: «А ведь Груня не так уж давно в крепостных числилась, до трёхлетнего возраста. Её могли продать или подарить кому вздумается. Не отменили бы крепостного права, она бы так и значилась чем-то вроде живой вещи у своего хозяина. Вздор какой-то». И заботливо спросил:

— Не устала?

— Нет, нет,— поспешно ответила Груня. Ей не хотелось расставаться с ним так скоро.

— Тогда давай заглянем в книжную лавку,— предложил он,— это совсем рядом.

— Заглянем! — обрадовалась Груня.

Они зашли в лавку, и Михаил Николаевич отобрал несколько книг, полистал и протянул небольшой томик ей.

— Возьми на память о нашей прогулке по Петербургу,— сказал он.

Груня взяла книгу.

— «Пушкин», — прочитала она.

И благодарно прижала к себе книгу.

На пороге лавки появилась женщина. Её тут явно хорошо знали.

Продавцы заулыбались и стали выкладывать на прилавок редкие книги.

Увидев женщину, Михаил Николаевич как-то мгновенно подтянулся и стремительно шагнул к ней.

— Юлия Петровна, дорогая! — воскликнул он обрадованно. — Позвольте вашу руку, — и почтительно поцеловал ей руку.

Груню поразило лицо женщины — нежное и в то же время волевое, большие красивые глаза и оживлённая улыбка. Чувствовалось, что её переполняла радость, которую она и не старалась скрыть.

Будто продолжая прерванный разговор, Михаил Николаевич сказал:

— Догадываюсь, всё-таки добились своего.

— Да, да, вы угадали, мой друг, — услышала Груня. — Добилась. Завтра еду. И не одна. Мне удалось образовать санитарный отряд. Все мы добровольцы. Теперь уже скоро займёмся настоящим делом, не пустым времяпрепровождением.

«Вот оно что! — подумала Груня. — В Болгарию едет, будет, как и я, ухаживать за ранеными».

Юлия Петровна (Груня сразу запомнила, как назвал её Михаил Николаевич) была в костюме сестры милосердия. Коричневое платье с полосатым фартуком из бумажной ткани, на груди красный крест из такой же ткани, на голове белая косынка.

Груня отвернулась, чтобы не показаться любопытной, и стала листать подаренный ей томик Пушкина.

— Позвольте представить вам Груню, будущую сестру милосердия, — услышала она вдруг рядом и быстро обернулась.

Юлия Петровна приветливо улыбнулась ей и тотчас стала расспрашивать об учёбе.

— Как много надо успеть в короткий срок! — почувствовала она. — Наверное, трудно приходится.

— Трудновато, — смущённо призналась Груня, — иной раз даже страх берёт: ну, как не осилю науку, и выйдет, зря меня учили.

— А вы не пускайте страх в душу, — подбодрила её Юлия Петровна. — Человек всё может, если цель у него высокая и чистая. Главное в нашем с вами деле любить ближнего своего больше, чем себя. — И добавила тут же: — Конечно, одной любви мало. Нужны знания. Я сама последнее время с величайшим усердием готовилась, чтобы получить звание сестры милосердия. Училась ходить за больными. Старайтесь, и всё одолеете! Желаю вам счастья! — сказала она сердечно. — Верьте в себя.

— Спасибо! — поблагодарила Груня. — И вам счастья и здоровья.

Юлия Петровна поцеловала Груню, а Михаилу Николаевичу сказала:

— Пожелайте и вы мне добра, друг мой. Когда теперь увидимся, никто не знает.

Михаил Николаевич поклонился ей и поцеловал на прощанье руку.

— Я приду провожать вас на вокзал.

Они расстались. Юлии Петровне нужна была какая-то книга, и она осталась в лавке, а Михаил Николаевич пошёл провожать Груню домой, чтобы не затерялась на шумном Невском проспекте.

Некоторое время они шли молча, каждый по-своему размышляя о встрече с Юлией Петровной.

— Фамилия её Вревская, — заговорил первым Михаил Николаевич. — Она баронесса. Но как далека она от людей своего круга! Юлия Петровна из тех, кто готов положить душу свою за других. Она всегда там, где нужна её помощь, где горе и страданье. Запомни её имя. Я верю, ты ещё услышишь о ней.

— Она мне сразу понравилась, — сказала Груня. — Добрая и не гордая. И говорит так, будто я ей ровня.

— А чем не ровня? — возразил Михаил Николаевич. — Вы обе сёстры милосердия и собираетесь служить одному и тому же делу: исцелять людей, отвоёвывать их у смерти. Высокое предназначенье! Гордись собой и храни своё достоинство. Вот так-то, Аграфена Тимофеевна, — снова шутливым тоном заговорил он. — Кажется, мы доплелись до твоего дома. Пора расставаться.

Груня с благодарностью посмотрела на него и очень серьёзно сказала:

— Спасибо, Михаил Николаевич. У меня сил прибавилось за нынешний день. Теперь и учиться легче станет.

— Вот и учись, старайся! Таков мой наказ! — не хотел быть серьёзным Добрый человек. И пообещал: — Я приду снова тебя проведать, не знаю, когда точно. Мне нужно в Тулу, там предстоит расследовать одно сложное дело. Настолько сложное, что даже вызвали адвоката из столицы.

— В Тулу? — быстро переспросила Груня.

— Почему это тебя заинтересовало? — удивился Михаил Николаевич.

Она немного замаялась, как бы раздумывая, говорить или нет, потом решила.

— Знакомая у меня появилась под Тулой, — заговорила она медленно, подбирая слова. — Беда у неё. — И уже твёрдым голосом произнесла: — Только вы можете ей помочь. — И рассказала про обиды вдовы, у которой отняли дом по подложным документам. Но никто не берётся её защитить. И о голоде в деревне рассказала.

Михаил Николаевич достал карандаш и записную книжку.

— Ты не запомнила название деревни? — спросил он, собираясь записать его.

— Как же? Терехово. На реке Тулице, рядом с Тулой.

— А фамилия вдовы?

— Не спросила, — огорчилась Груня. — Зовут — помню как: Александра Максимовна. Да зачем она нужна, фами-

лия? В деревне каждый друг друга знает. Найдётся и без фамилии.

— И то верно, — согласился он. — Найду, если, конечно, окажусь в тех краях. Точно не обещаю, всё зависит от того, как сложатся дела. Ну, будь благополучна! — попрощался Михаил Николаевич и пошёл стремительным шагом. А Груня смотрела ему вслед, пока он не скрылся за углом.

Как ни взволнована была Груня событиями сегодняшнего дня, но, вернувшись в свою комнатку, сразу же принялась за уроки. Лишь глубокой ночью погасила лампу и примостилась на подоконнике. Будто на ладони выстроился перед ней весь прошедший день: лекция профессора Алфёрова, встреча с Михаилом Николаевичем, замечательная Вревская. В памяти оживают их слова, теперь они навсегда с ней. Сразу вспомнилась и Ольга Андреевна из Севска, и тётка Устинья. Даже трудно представить себе, что совсем ещё недавно она никого из них не знала. И как много уже для неё сделал каждый из них.

Всё-всё хранила благодарная Грунина память. И душа становилась шире, наполнялась могучей силой доброты.

Давно погасли во всех окнах огни. Поздний час, а на улице светло. Сияют неправдоподобные звёзды-жемчужины. Над Калинкиным мостом повис зеленоватый месяц. Белые ночи в разгаре. Станные, таинственные ночи.

В ПЕТЕРГОФСКОМ ГОСПИТАЛЕ

Быстро пролетели полтора месяца учёбы. После строгого экзамена, который принимала комиссия во главе с профессором Алфёровым, Груня получила заветное свидетельство. В нём значилось, что теперь она имеет право быть сестрой милосердия.

Груня была счастлива. Она ждала: не сегодня завтра её направят в Болгарию. Сейчас там идут тяжёлые бои,

в газетах об этом пишут постоянно. И хотя она газет не читает — у неё нет свободного времени, но о самом главном, что происходит в Болгарии, знает. Люди рассказывают. А недавно снова все заговорили про Самарское знамя, о котором в первый раз Груня услышала в Севске на ярмарке. За его судьбой вся Россия следит.

В битве за Старую Загору Самарское знамя едва не попало в руки врагов. В газетах писали, как четыре дружины ополченцев отбивались от целой армии Сулеймана-паши. Был убит знамённый, и туркам удалось схватить знамя. Вслед устремились ополченцы — отбили его, но подхвативший знамя капитан Калитин вскоре был убит. Ещё один ополченец поднял знамя и упал тут же. В тот день погибло много болгарских ополченцев. Но знамя уберегли от турок, унесли в горы. Для всех болгар оно было святыней, и берегли его как настоящую святыню.

«Сколько же там люду-народушку полегло, — вздохнула Груня. — Вот где наша помощь нужна».

Она подала прошение в Главное управление Красного Креста с просьбой поскорее направить её в Болгарию. Но получила отказ. Туда посылали самых опытных, самых лучших сестёр. Надо было доказать, что она не зря училась. И что там, где ждут милосердную помощь, она сумеет её оказать.

Снова далеко было от основной цели — служить раненым, ради чего она отказалась от мирной, спокойной жизни.

Груня погоревала, но не пала духом. Надо ждать, надо быть не только настойчивой, но и терпеливой. Жизнь человеческая не идёт единым порядком. Жизнь — не только постоянный труд, но и преодоление всяких препятствий. Тебе не хочется что-то делать, а надо, ты и делай. Тебе страшно, а ты иди; иди и не бойся.

С того часа, как Груня покинула Матрёновку, немало перед ней вставало препятствий. Сильней всего страшили долгие вёрсты, зверь лесной и иной человек. Но она одолела вёрсты. И никакой зверь не напал на неё, и человек не

обидел. А поддалась бы страху, отступилась — не стала бы сестрой милосердия.

Теперь ещё одно препятствие к главной цели: у неё нет опыта работы. Нужно преодолеть и это. Убедить военную комиссию, что она нужна на войне. Но сначала показать своё умение здесь, в Петергофском госпитале, куда её определили на практику.

Ей приходилось потрудней, чем другим сёстрам милосердия. Ведь она была малограмотной. Надо было не отстать от грамотных и набирать знания впрок. И Груня истово старалась это делать. Её учили: одного усердия мало, нужно умение. А ещё учили быть доброй. Старшие сёстры наблюдали за новичками, как они относятся к больным. Жалеют ли их? Способны ли угадать лишь по движению ресниц, как чувствует себя больной? Этому учили Груню. И она без усилий постигала науку — жалеть и любить больного, помогать слабому.

В Петергофском военном госпитале сразу заметили Груню. «Прилежная, усердная», — говорили о ней с одобрением. Она всему научилась, что должна уметь делать сестра милосердия. Накладывала повязки, аккуратно снимала бинты, готовила лекарства, сама просилась помогать хирургу, когда шли операции. Ей очень хотелось всё уметь. Ведь там, на войне, негде и некогда доучиваться. Там нужны умелые, чтобы вовремя помочь раненым.

Сегодня у Груни первое ночное дежурство. Больные уснули, в палате тишина. Она сидела задумавшись у маленького столика. Вспомнился дом. Как там живётся её родным? Нет что-то от них вестей. Уже несколько писем домой отослала, хоть и коротких, но о самом важном в них сказано. Звание сестры милосердия получила, и, может статься, совсем скоро её направят в Болгарию. Сыта, одета, обута — пусть не тревожатся. И ещё пусть порадуются — подруга у неё появилась, Вера Мелентьева. Та самая, что надоумила пойти к профессору Алфёрову с просьбой принять на курсы сестёр милосердия.

С Верой они поселились в одной комнате, неподалёку

от госпиталя. Она тоже приезжая, родом из Воронежа, из богатой дворянской семьи.

В Петербурге у неё есть родственники: тётка и двоюродные братья. Она могла бы жить у них на всём готовом, но не хочет: любит независимость. Хороший она человек, открытая, щедрая душа. Стараётся не только помочь в трудный момент, но и научить всему, что знает: и как слова правильно выговаривать, как вилку в руках держать, как покрасивей одеться. И всё это делает не обидно, от чистого сердца. А на днях — вот уж не думалось, не мечталось — сводила в театр.

Груня даже зажмурилась, чтобы снова увидеть себя в театре. Подруги из Матрёновки не поверят, где она побывала. «Ты мастер, — скажут, — выдумывать сказки».

— Сестрица! — услышала она вдруг и вздрогнула, застигнутая врасплох со своими домашними мыслями. Не место, не время им сейчас. Виновато огляделась.

— Пить, сестрица! — раздалось снова.

Она быстро подошла к больному, напоила его, поправила одеяло, и он скоро уснул. А потревоженные мысли вновь слетелись к ней и сложились в письмо к своим, в Матрёновку. Осталось только на чистый лист их перенести. Но как это не просто сделать!

Она шёпотом произносит слова и старательно выводит их на бумаге, как бусинки на нитку нанизывает. Пересказала все последние новости из своей жизни и закончила как обычно: «Остаюсь навсегда ваша дочь Груня».

ВЕСТИ ИЗ БОЛГАРИИ

В Петергофский военный госпиталь привезли раненых, прямо из Болгарии. Сюда их ещё ни разу не привозили. Среди них — болгарин, его положили в палату, где работала Груня.

Он был какой-то необычный, яркий: сам смуглый, глаза

чёрные, блестящие. Болгарин поймал Грунин взгляд и улыбнулся.

— Моёто имя е Недялко Драганов. А ты как се назваш? — спросил он не совсем по-русски, но понятно.

Груня назвала своё имя и сказала:

— Ты помолчи, побереги силы. Тебе трудно.

— Нет, — возразил он и заговорил быстро-быстро. С трудом, но можно было уловить знакомые слова: дом, мама, сестра, татка. Они звучали как русские, только с твёрдым выговором. Связать же слова в отдельные предложения Груня не смогла. Лишь по лицу догадывалась, что он рассказывает о чём-то тяжёлом, страшном.

Прибывший вместе с ним солдат, тоже тяжело раненый, — его звали Сергей — сказал:

— Мы вместе воевали, Недялко из болгарского ополчения. У него горе — всех родных побили турки, никого не осталось. Он немного говорит по-русски, а сейчас волнуется и путает слова.

— Умею немного по-русски, — подтвердил Недялко. И снова стал рассказывать про себя. Слова звучали непривычно на русский слух, будто наталкивались на преграду и, сделав усилие, преодолевали её. Он говорил про свой родной город Тырново, но слов не хватало, и Сергей оставил его.

— Передохни, друг, — сказал он сочувственно, — я сам расскажу. — И Груне: — Мы вместе освобождали Тырново, красивый, древний город, вместе воевали на Шипкинском перевалё. Там нас обоих и ранило. Его утром, а меня под вечер. Лежу под кустом в ложбине, то забудусь, то в сознание приду. И позвать не могу на помощь — турки рядом. Тьма уже опустилась в горах. Ну, всё, думаю, конец моей жизни. Глядь — свет ко мне приближается. Идут двое: женщина и старик, в руках фонарь раскачивается. Тут они меня и увидели. Оказывается, они сами, никто их не просил, не заставлял, ходили выискивали раненых. Если б не они, лежать бы мне вечно в той земле. А то помогли добраться

до своих, раны перевязали. Вот они какие, болгары, славные люди.

Груня радовалась:

— Как же хорошо, что они такие сердечные!

Солдат оживился, лицо порозовело, в глазах появилась улыбка. Он стал вспоминать, как воевал в Болгарии. Раненому дóроги воспоминания, он снова чувствует себя сильным. И так нужно, чтоб было кому выслушать его, это как целебное лекарство. А Груня слушала участливо.

— Если бы ты видела, сестрица, как нас там встречали! — вспоминал солдат. — Лошадей целовали наших, не только нас. От такой картины слёз невольно было сдерживать. И шли мы по Болгарии, будто по родной России, так там о нас заботились, кормили, поили. Что и говорить-то! Так оно и было, ничего не сочинил, — прочувствованно сказал солдат. Он умолк, но всё ещё продолжал улыбаться своим воспоминаниям.

— Ты, случаем, не видел там братьев моих? — с надеждой спросила Груня. — Михайловы их фамилия. Одного Егором звать, другого Фёдором. Вспомни.

— Нет, сестрица, не упомню, — с сожалением ответил Сергей. — А я с первых дней на войне. И через Дунай переправлялся, а Михайловых не было рядом. И Тырново освобождали — не встречал их. Нет.

Услыхав название родного города, болгарин встрепнулся, попытался приподняться, но не смог. Глаза стали грустными-грустными.

— Не горюй, — ласково проговорила Груня. — Вот увидишь, ты ещё вернёшься в свой город. — И погладила его по голове, как маленького. А он неожиданно поцеловал ей руку.

— Най-сърдечно ти благодаря, — сказал он по-болгарски. Чуть-чуть повернулся на правую сторону, так ему было легче. И скоро уснул.

— Ты тоже усни, — сказала Груня Сергею.

Тот послушно кивнул головой и зажмурился, чтобы

скрыть мучавшую боль. Но Груня заметила всё и не уходила, пока он не сказал:

— Отпустила.

Груня облегчённо вздохнула. Никогда она не привыкнет к чужому страданию, самой сразу становится больно.

Она перебирала в памяти рассказ солдата о Болгарии и мысленно была там. Скорее бы и ей на передовую. За последнее время много сестёр Красного Креста уехали туда на службу. А они с Верой всё ещё работают в Петергофском военном госпитале. «Набирайтесь опыта, чтобы от вас была на фронте польза», — говорят им. Даже обидно. Неужели они мало знают? Кажется, всё уже умеют делать, что положено сёстрам милосердия, а от них требуют ещё большего. От каждой сестры, не только от них с Верой Мелентьевой.

ПЕТЕРБУРГСКОЙ ОСЕНЬЮ

Пасмурно. Накрапывает мелкий дождик. С моря дует холодный ветер. Недавно случилось наводнение. Нева вышла из берегов, пробежалась по набережной неподалёку от дома, где жила Груня. Залила подвалы и нижние этажи и, нагнав страху, медленно отступила. Жизнь вновь пошла своим чередом.

Рабочий день в госпитале начинался рано. На улицах ещё темно, и самое неприятное — не дающий передышки дождь. А в Матрёновке сейчас стоит сухая осень, «бабье лето». В лесу орехи созрели, высыпаются из своих гнёздышек-шапочек. В огородах всё убрали. Горят, сияют на солнце листья — жёлтые, красные, золотые. Осеннее загляденье! Из дому пишут: «Урожай хороший собрали. Ссыпали зёрнышки. С первого намолота испекли пирогов с коноплём». Груня счастливо вздыхает.

Но это так, для радости, воспоминанье. Главные же мысли Груни о далёкой, пока неведомой Болгарии. Бои там идут, не прекращаются, особенно на Шипке. Тяжело доста-

лось во время августовских сражений и нашим солдатам, и болгарским ополченцам. Стояла редкостная жара. Солдат измучила невыносимая жажда. Воду можно было достать лишь из ручейка, который протекал в ущелье восточнее горы Святого Николая. Отправлялись за водой добровольцы. И почти никому из них не удавалось вернуться живым. К счастью, на помощь пришли жители Габрова и окрестных сёл. По несколько раз поднимались в гору женщины с кувшинами воды и едой, чтоб напоить и накормить солдат, помочь раненым. Прославились и габровские мальчишки. Они под пулями подносили солдатам воду, и многие из них погибали, как настоящие воины. Невероятные тяготы выпали на долю защитников Шипкинского перевала, но они устояли под натиском турецких войск, отбили их напористые атаки.

И вновь донеслась до России весть о знаменитом Самарском знамени.

Там, на Шипке, двадцать первого августа разгорелось особенно крупное сражение. Пятьдесят батальонов турецких войск двинулись против Орловского полка и пяти дружин болгарского ополчения. Но защитники Шипки день за днём отбивали яростные атаки врагов. Особенно страшен был последний штурм.

Кончились снаряды, не было патронов, и уже совсем рядом синие мундиры и красные фески. «Алла! Алла!» — доносились воинственные крики турок. Они рвались к Самарскому знамени.

Нечем отбиваться, и на атакующих стали сбрасывать камни.

«Шипкинские орлы» отстояли перевал. На вершине горы продолжало развеваться Самарское знамя, всё изрешечённое пулями.

После сражений на Шипке и под Плевной в Россию прибыли много раненых. Ещё больше оставалось их там, в Болгарии, в дивизионных госпиталях.

Груня сетовала: «Неужели и теперь не пошлют на передовую? Когда же тогда ещё?»

Но наконец-то! Свершилось! Пронеслась весть, что большую группу сестёр милосердия направляют в Действующую армию на Балканы. Вошли в неё и Груня с Верой Мелентьевой. На сборы отводился короткий срок.

Дни пролетали с невероятной быстротой. И вот уже завтра отъезд.

Как всегда перед значительным событием, стало тревожно. Груня сидела задумавшись. Не упустить бы чего важного... Надо распрощаться со всеми, кто её учил и поддерживал. Да чтоб, случаем, долгов каких за ней не осталось. Вдруг что произойдёт непредвиденное, не полагается уходить, не отдав долгов. С Михаилом Николаевичем она расплатилась, отослала деньги по почте. И письмо на днях послала, сообщила, когда уезжает.

Перебрала всё в памяти, написала письма в Севск, Ольге Андреевне, и домой и стала укладывать вещи в дорогу. Ну, вот, всё сделано. «Что-то Вера не идёт, ей тоже надо укладываться, не собрала ещё свои вещи», — заботливо подумала Груня.

Сегодня они с Верой ещё не виделись. Днём не пришлось: работают в разных палатах, а вечером — тоже. Потому что Вера ушла к своим петербургским родственникам проститься перед отъездом.

«Да что ж это её нет! — беспокоилась Груня. — Поздно!» Она уже собиралась лечь спать, и в это время вернулась подруга.

— Ты не спишь? — весело крикнула Вера с порога. — Ах, как славно!

Сняла пальто с капюшоном, такое же, как у Груни и других сестёр милосердия.

— Не узнать тебя! Как же красиво! — воскликнула Груня.

Обычно Вера была в сером платье с фартуком и белой косынке — в таком виде полагалось сёстрам милосердия являться на работу. А тут — нарядное бархатное платье тёмно-вишнёвого цвета. И причёска к лицу: густые тёмные

волосы собраны в большой пучок. На ногах — модные туфли на высоком каблуке.

— Захотелось принарядиться, прихорошиться, когда ещё доведётся... — будто оправдывалась Вера. И рассказала, где была. Сначала у тётушки, потом со всеми родственниками слушала оперу «Демон» в Мариинском театре. — Ах, Грунечка, как замечательно все пели! Жаль, что тебя со мной не было.

Она быстро переоделась и стала укладывать вещи в чемодан, продолжая рассказывать про оперу. Ведь Груня даже не слыхала, что бывают представления, где актёры не говорят, а поют на разные голоса.

— Вернёмся живые, мы с тобой вместе послушаем оперу, а рассказывать о ней трудно. — И вдруг неожиданно попросила: — Дай-ка мне стихи Пушкина, помечтаем, что ждёт нас. Молодец твой Добрый человек, замечательную книгу преподнёс тебе, бесценную.

Груня вынула томик стихов, который положила в чемодан поверх своих вещей, и дала подруге. Интересно, как она задумала мечтать вслух с книгой?

Вера наугад открыла страницу и стала читать первое, что бросилось в глаза:

В надежде славы и добра,
Гляжу вперёд я без боязни...

Довольно! — быстро захлопнула она книгу. — Не станем искушать судьбу — читать дальше. Здесь прямо про нас с тобой написано. О славе не будем думать, добро и милосердие — вот наша слава. И — вперёд без боязни!

Груня подхватила её слова:

— «Иди и не бойся!» — так мне сказал отец, когда я уходила из дому на войну. Мне его слова помогают.

Она улыбнулась своим воспоминаниям. Ей было сейчас так хорошо сидеть рядом с подругой и говорить о том, что близко.

— Спасибо тебе за всё, — сказала она Вере.

— И тебе тоже, Грунечка.

Они умолкли. Каждая подумала о том, что ждёт впереди и выпадет ли ещё когда такой спокойный вечер?

Уснули они обе поздней ночью и встали непривычно рано.

— А я дома побывала во сне,— с улыбкой сказала Груня.— Мамушка пирогов напекла, один мне дала, другой тебе велела передать. Хороший сон. Быть удаче нам обеим.

— Ты добрая,— сказала Вера.— Тебе доброе и снится.— И напомнила: — Скоро ехать. Надо попрощаться с больными. Ты пойдёшь к своим?

— А как же! — воскликнула Груня.

Они закончили сборы, чтобы потом без спешки ехать на вокзал, и отправились в Петергофский госпиталь.

Груня обошла палату, пожелала всем здоровья. Ей тоже говорили в один голос:

— Возвращайся здоровой. Береги себя! — И просили, чтобы написала письмо.

А болгарин Недялко сказал на своём языке слова, понятные и без перевода:

— До вижданя, госпожица сестра! Най-сърдечно ти благодаря.

И снова, как в первый день прибытия в госпиталь, поцеловал ей руку. Благодарил за всё.

— Выздоровливайте, родные! — от души пожелала Груня. И пошла. У порога оглянулась и поклонилась. Всем сразу.

НА ВОКЗАЛЕ

Уже смеркалось, когда Груня с Верой добрались до Николаевского вокзала. Неласково провожал их Петербург. Накрапывал дождь. Дул пронизывающий ветер.

— Дождик в дорогу — хорошая примета,— и здесь находила Груня повод порадоваться.

А Вера молча улыбнулась в ответ. У неё тоже было хорошее настроение.

Николаевский вокзал был полон народу.

Люди смеялись, говорили, плакали, старались перекричать друг друга.

В этой суетлоке Груня потеряла подругу. Она ходила по вокзалу, пытаясь разыскать её, потом увидела, но подойти не решилась. Веру окружили родственники, пришли проводить её. Других сестёр тоже кто-нибудь провожал. Только Груня оказалась одна, и от этого было немного грустно.

Постепенно в зале стихли разговоры, начались официальные проводы сестёр милосердия. К ним обращались с напутственным словом, называли патриотками и подвижницами, прославляли за стремление помочь тем, кто больше всего нуждается в их помощи. За любовь не только к своей родине, а ко всему человечеству, так как лишь истинная любовь могла вдохновить их на такой самоотверженный труд.

Груня близко к сердцу принимала каждое слово, ведь это и к ней оно обращено, и согласно кивала. «Конечно, любовь: и к русским солдатам, и к болгарским людям. Без любви и веры в Добро никакие блага не свершаются» — это она понимала сердцем.

Торжественные выступления закончились. Заиграла музыка, и вновь все сбились возле своих родных. От нечего делать Груня принялась разглядывать вокзал.

Вот тут она сидела до рассвета тогда, в июне, когда приехала в Петербург из Москвы. Впрочем, никакого рассвета и не было. Всё время было светло, белые ночи — примета этого великого города.

Прямо отсюда она в то утро вышла на Невский проспект, ставший ей навсегда близким. Там она с Добрым человеком ходила, там познакомилась с замечательной женщиной Юлией Петровной Вревской. Кто знает, может быть, удастся увидеть её в Болгарии. Ведь Юлия Петровна сама сказала на прощанье: «Может, встретимся ещё».

По вокзалу прошли к платформам жандармы. Засвистел паровоз. Начиналась посадка. Сёстры милосердия направились к своим вагонам.

И тут на платформе Груня увидела Доброго человека. Он шёл твёрдым шагом в распахнутом пальто, в шляпе, в руках — зонт и цветы. Переходил от вагона к вагону, заглядывал в окна, явно кого-то разыскивая. Груня догадалась — её, конечно, на то он и Добрый человек. Глаза засияли от счастья: «Пришёл! Пришёл!»

Он увидел её и быстро шагнул навстречу.

— Так вот где ты, Аграфена свет Тимофеевна! — весело проговорил он. — Возьми, это тебе, — протянул он ей букет лиловых астр.

— Спасибо, спасибо, — прошептала она взволнованно. — Как же мне хотелось, чтобы вы пришли! — от всего сердца вырвались у неё слова. — Мне теперь этой радости хватит на всю жизнь.

Михаил Николаевич шутливо поклонился и воскликнул:

— Помилуйте, помилуйте, сударыня! Это я должен радоваться. Так-то, сударыня. Цените себя. — И перевёл разговор на серьёзный лад: — Ты лучше, друг мой, обещай написать мне, как прибудешь к месту назначения. Я буду ждать твоих писем, они мне очень нужны. А чтобы нена роком не позабыла мою просьбу, вот тебе пакет с бумагой и конвертами. Их надолго хватит.

«И об этом позаботился, — подумала Груня растроганно. — Добрый, добрый человек!»

— Да, — вспомнил он, — посылает тебе поклон Александра Максимовна. Я взялся вести её дело.

Груня только благодарно взглянула на него.

До отхода поезда оставалось совсем немного времени.

— Ты должна вернуться, Груня, — сказал Михаил Николаевич на прощанье. — Счастливого тебе пути. И не отступайся от своей цели!

Он кивнул ей, потом поцеловал руку.

Поезд тронулся. Все прильнули к вагонным окнам, прощаясь с теми, кто оставался дома. Груня стояла притихшая и опечаленная. Неужели никогда больше не увидит она

своего Доброго человека? Самого лучшего из всех, кого она узнала за последнее время. «Ничего! Ничего!» — произнесла она спасительное слово, которое всегда ей помогало. Помогло и на этот раз.

НА БОЛГАРСКОЙ ЗЕМЛЕ

Долга и длинна дорога из Петербурга в Болгарию. Проехали Москву и Тулу, скоро должен быть Орёл. У Груни сердце замирало от волнения, так памятно здесь всё ей. Ещё три месяца тому назад шла по этим местам пешком. Где-то поблизости село Воздвиженское. И сразу вспомнилась тётка Устинья. Как она там поживает, добрая душа?

В Орле поезд немного задержался. Груня с Верой вышли на платформу. Кругом множество народу. Станция загромождена военными поездами.

На запасном пути стоит товарный вагон. Около прохаживаются солдаты в серых шинелях с красными погонами и синими петлицами. Фуражки тоже с синими околышами. На поясе патронные сумки. Солдаты немного похожи друг на друга: светло-русые, сероглазые и синеглазые, с виду крепкие, может, орловские, а возможно, кто-то из Севска. Крепко засел в памяти у Груни этот старинный город.

Слышен гул паровозов, стук колёс, свист — всё в движении, всё живёт военными заботами.

Наконец, тронулся и Грунин поезд. Снова замелькали теперь уже незнакомые места.

Как же велика Россия! Не скоро осталась граница позади. Потом — Румыния, и вот — долгожданная болгарская земля.

Величавый Дунай, высокие горы, широкие равнины, виноградники, диковинные фруктовые сады — всё поражает своей непривычностью. Тут же следы войны: сожжённые сёла и деревушки, разрушенные дома. Вот оно, какое лицо войны-пагубы! И охватывает щемящая жалость к людям,

переживающим страшные бедствия, к земле-страдалице...

После долгих дней пути санитарный поезд, наконец, прибыл к месту назначения. Большой отряд врачей, сестёр милосердия и санитаров был распределён по разным военным госпиталям. Груню с Верой и старшей над ними сестрой милосердия направили в лазарет под Горным Дубняком, верстах в десяти от Плевны. Сам же Горный Дубняк находился в руках турок.

Сёстры милосердия выехали на санитарной повозке к месту своей службы. Их сопровождал ездовой Тимофеич. Уже немолодой солдат, лет сорока, коренастый, крепкий на вид, чуть прихрамывающий после недавнего ранения.

Лошади шли мерно, спокойно, Тимофеич не торопит их. Впереди вырисовываются высокие горы — Стара-Планина. Вокруг виноградники и фруктовые сады. Воздух напоён ароматом трав и зрелых плодов. И над всем — тёплое царственное солнце, не такое, как в туманном Петербурге.

— Хорошо-то как здесь! Благодать! — восхищённо воскликнула Вера.

— Добрая земля,— согласился Тимофеич,— тучная. — И спросил с нескрываемым нетерпением: — Ну, что там у нас нового, в России? Я уж, почитай, пять месяцев как из дому.

— Всё по-старому,— ответила Вера.— Осень пришла. Урожай, говорят, неплохой, как-то обошлось в этом году, не случилось нигде засухи. В газетах о войне много пишут, о подвигах наших солдат под Плевной и на Шипке. Мы так рвались в Болгарию.

— А я, честно сказать, по дому сильно тоскую. Семья у меня большая — сыновья, дочери, жена добрая, родители ещё здравствуют. Хочется всех повидать.

Всего ничего, может, с версту проехали вместе, а будто век знакомы друг с другом. Мягкий, спокойный взгляд Тимофеича вызывает доверие. И говорит он охотно, на все

вопросы отвечает обстоятельно. Понимает, как не терпится только что прибывшим сёстрам узнать обо всём сразу. Для них здесь всё внове.

— А в бою страшно? — допытывается Вера.

— Разве нет? — ответил Тимофеич. — Да ведь двум смертям не бывать, одной не миновать. Чего таиться, хочется уцелеть. А что делать? Со мной так: вначале жуть берёт, потом себя забываешь, одно на уме — одолеть врага. Я, видишь, до Плевны дошёл. Как раз тут под Плевной в двух крупных сраженьях участвовал, служил в 12-м пехотном полку у самого Скобелева.

— Скобелева? — переспросила Вера с почтением. — Про него легенды складывают, говорят, он необычайно храбрый человек.

— Истинная правда, — согласился Тимофеич. — Храбрости у него не отнимешь. Но что всего дороже нашему брату солдату, заботливый он, думает о нас.

— А какой он из себя? — расспрашивала Вера.

— Бравый такой, молодцеватый, — с удовольствием проговорил Тимофеич. — Годов за тридцать ему, не больше. Взгляд у него хороший. Посмотрит на тебя, в душу проникает. Турки зовут его по-ихнему, по-турецки, «Ак-Паша», по-нашему значит «генерал в белом».

Я его в первый раз видел на Дунае. Наша 14-я пехотная дивизия переправлялась на лодках на другой берег. И Скобелев с нами. Турки осыпали нас пулями со всех высот. Только к утру удалось закрепиться на другом берегу Дуная. Отступили турки, но бой не кончался. Наши стрелки засели в виноградниках и оттуда стреляли по неприятелю.

Тут я и увидел Скобелева. Идет по винограднику прямой, в белом кителе, пулям не кланяется. То к одному стрелку подойдет, то к другому, скажет два-три слова, подбодрит и дальше следует. Всех обошёл, как простой ординарец, передал приказ генерала Драгомирова о наступлении. Храбрый человек, не прячется от опасности! Солдаты ему верят, в огонь и воду идут за ним. Он, видишь, как говорит?

«Стрелять последними должны мы, а не противник». Сам всегда идёт первым, а уходит последним.

Вот он каков, Михаил Дмитриевич! — с гордостью проговорил Тимофеич и молодцевато подтянулся, будто почувствовал себя вновь в боевом строю, перед взором самого Скобелева. Славного «генерала в белом».

ПЕТРАНА

Лошади чуть замедлили ход и устало поднялись на пригорок, откуда открывалось большое кукурузное поле. Проехали его и очутились меж двух холмов, в маленьком посёлке. И сразу их санитарную повозку окружили местные жители. Они улыбались и что-то громко говорили. Оказалось, приглашают в гости. Да так настойчиво и сердечно, что нельзя было не откликнуться на приглашение.

— Давайте остановимся,— решила старшая сестра.— Ведь от всей души просят. Зачем обижать людей?

К Груне подбежала девочка лет девяти, протянула цветок и быстро сказала что-то.

— Детка, милая, как тебя зовут? — спросила она маленькую болгарку и погладила по голове.

Девочка взглянула на неё преданными глазами, сисясь понять, и огорчённо произнесла:

— Не разбираю те, не разбираю,— и прижалась к ней.

Высокий седой старик наклонился к девочке и повторил ей по-болгарски Грунин вопрос:

— Как се назваш?

Девочка вся засветилась улыбкой и крикнула:

— Петрана! Огнянова Петрана! — Показала на старика: — Дядо Бойчо Огнянов.— И, уже совсем осмелев, сказала, подбежав к молодой женщине: — Мама. Димитрица.

— А меня Груня зовут,— сказала Груня.

— Груня! Груня! — нестройно повторили рядом.

Все кругом старались говорить как можно понятней: аккуратно подбирали слова, по многу раз толковали одно

и то же. И Груня не заметила, как исчезли её подруги и ездовой Тимофеич.

— Где они? — растерянно оглядываясь, спросила она.

Ей показывали руками: там, мол, там. Она поняла, что их увели к себе домой соседи.

Петрана крепко взяла Груню за руку и настойчиво потянула к своему дому. Сама раскраснелась, глаза горят, тёмные волосы раскинулись по плечам красивыми локонами. «Какая пригожая», — залюбовалась девочкой Груня.

— Молим те, молим, — повторяла приглашение и мать Петраны.

— Много те молим! — просили её в дом все.

Она сразу поняла, чего хотят от неё. «Молим», конечно, значит «просим», а «те» — и в Матрёновке говорят так. И уже без перевода понятно слово «много». Петрана с гордым и счастливым видом повела гостью к дому. Красивый дворик, сад, в доме чистота. В углу рядом с иконами стояло небольших размеров знамя с золотым львом. Под такими знамёнами отряды болгарских повстанцев вели борьбу за освобождение от турецкого ига.

На столе в одно мгновение появились незнакомые Груне блюда: банница — слоёный пирог с брынзой, фаршированный перец, кукурузный хлеб, баклажанная икра. На закуску персики, дыня, сливы, виноград.

— Ешь, ешь, — угощают Груню все. И попеременно русскими словами — их немного знает дед Петраны — объясняют: — Хороший нынче урожай, давно не было такого.

— Добре́, добре́, — согласно подтверждают за столом. И вновь в один голос начали ей что-то втолковывать.

Рядом сидит Петрана, глаз не спускает с гостьи из России. Груня и сама не знает, отчего так, но вдруг она начала улавливать значение непонятных слов. Будто знала их раньше и забыла, а вот теперь вспомнила наконец.

— Разбираш ли ме? — допытывалась хозяйка, которая пыталась объяснить, как жилось им под властью турок.

— Разбирам, разбирам,— уверяла по-болгарски Груня.— Аз разбирам.

Оно и не сложно было разобрать. Скажут «турчин», и на лице ужас и ненависть, сразу понятно — про турок разговор. Скажут «русин», «рускиня», «дядо Ваньо» — и на лице улыбка. Как же этого не разобрать! А слово «аз» слышала ещё в Петергофском госпитале от Недялки — что значит «я».

«Сгинуло лихо! Сгинуло! Дядо Ваньо пришёл! Свобода!» — нужен ли здесь перевод? Только вслушивайся. Настраивайся сердцем и умом, чтобы услышать. И Груня трепетно вслушивается, впитывает смысл слов, их звучание и вознаграждается за это. Как старые знакомцы предстают перед ней болгарские слова, только в непривычной для них одежде. Даже странно, как можно было их не узнать с самого начала.

— Разбирам! Разбирам! — восклицает она, счастливая тем, что почти всё понимает. И как после встречи с учительницей из Севска, с тёткой Устиньей, Добрым человеком, подумала: «Господи, какие же хорошие люди! Век бы не расставалась с ними!»

А всех милее ей девочка Петрана. Ласковая и добрая, совсем как младшая сестрёнка Анюта. Но внешне такие непохожие: Анюта голубоглазая, беленькая, как ромашка, и спокойная, а Петрана быстрая, в глазах огоньки горят. Только улыбаются обе девочки одинаково ласково. Все цветы алые, все дети милые, и русские и болгарские.

Вынула своё драгоценное зеркальце, Егоров подарок, и отдала Петране. На долгую память.

Быстро пролетело время в гостях, пора в путь. И так позволили себе поблажку, почти час гостевали. Придётся нагонять время в дороге.

Опять у дома собрался народ. К Груне подошла старушка в чёрном платке и быстро что-то проговорила. Понятными были лишь слова: «Добре госпожице». Зато без слов всё было ясно, когда старушка погладила её по лицу и поцеловала в румяную щёку.

Подвода тронулась.

— Спасибо! Живите долго и счастливо! — громко крикнула на прощанье Вера.

Её слова подхватили мальчишки и, прыгая, повторяли на все лады:

— Живите долго и счастливо! Долго! Счастливо! — И бежали вслед до края посёлка, поднимая облака пыли.

РУССКИЕ СОЛДАТЫ

Чем ближе к Горному Дубняку, тем оживлённей становилось на дороге движение. На сильных конях проскакал отряд кавалеристов. Лишь пыль взвилась над дорогой. Медленно двигалась артиллерия. Пушки на дубовых колёсах, обитых железом, на стволах ярко выделяются клейма — в них город Санкт-Петербург. Вот откуда прикатили!

Из-за поворота вышли солдаты в тёмных мундирах и тёмных фуражках. За спиной тяжело нагруженные ранцы, на плече ружьё. Вид усталый: много вёрст отшагали. Впереди офицер с длинной саблей. Он вдруг скомандовал:

— Запевай!

Запевала, лихо сдвинув на затылок фуражку, начал с ходу:

Было дело под Полтавой,
Дело славное, друзья,
Мы дрались тогда со шведом
Под знамёнами Петра.

Все подхватили, мигом приободрившись, любимую солдатскую песню. Тимофеич остановил повозку и хотя негромко, но с азартом начал выговаривать знакомые с давних времён слова про Петра Первого:

Сам командовал полками,
Сам он пушки заряжал.

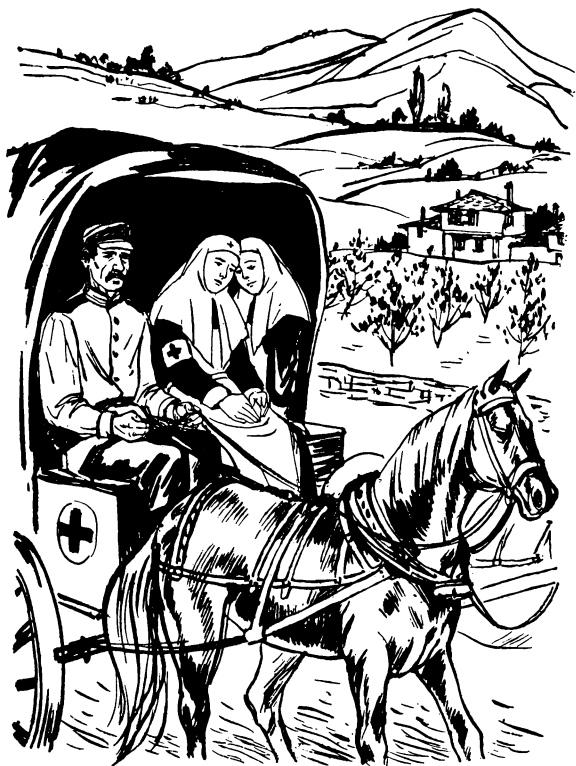
На лице Тимофеича мелькнула улыбка. Вспомнился вдруг случай со знакомым солдатом-артиллеристом. Тоже дело было славное, только не под Полтавой, а под Плевной. Не выдержал, стал рассказывать своим попутчикам, как в бою оказался артиллерист один перед турками со своей пушкой. Другой человек на его месте оробел бы, а он — куда там! Головы не потерял. Сам себе подавал команды, сам подносил снаряды, сам пушку заряжал. И всё у него вышло ловко, как-то весело. Держался наш brave артиллерист, пока не стало чем отбиваться. Тогда только покинул вал.

— Чем не герой? Герой! — похвалил Тимофеич отчаянного храбреца и повторил с удовольствием слова из солдатской песни: — «Сам он пушку заряжал!»

Он не сердито прикрикнул на лошадей. Те побежали трусцой, а он пустился в рассужденья.

— Вот ты интересовалась, — обернулся он к Вере, — страшно ли в бою? Конечно, страшно. Но надо! И ты идёшь. А случится всякое может, опять же надо надеяться, что тебе не дадут пропасть, коль что случится. Сам погибай, а товарища выручай — по такой заповеди и живём здесь. Расскажу я, коль охота слушать, ещё про один случай, летом, как раз было в горах, возле Бобровского ущелья. Отрядили наши разъезд наблюдать за турецкими постами. Ровным счётом выехало двенадцать человек. Ехали-ехали и очутились у пропасти. Повернули назад — а там засада! Турки стоят, поджидают. Картина сложилась отчаянная. Куда податься?.. «Марш! Марш! Коням шпоры!» — скомандовал унтер-офицер. Крепкие кони мигом перелетели через пропасть. Ускользнули от засады, вырвались! Вырвались — да не все! Одного солдата не досчитались.

Унтер-офицер, не раздумывая, перемахнул через пропасть, где сбились турки, и увидел нашего солдатика. Тот спешил, ружьё на изготовку, а вокруг — синие мундиры и красные фрески. Хотят турки взять русского солдата живьём.

«Держись!» — крикнул унтер-офицер, рубанул шашкой направо-налево, подхватил солдата и усакаал вместе с ним. Вслед полетели пули, да, видишь, ни одна не задела. Вот какие бывают случаи, — с гордостью закончил Тимофеич.

— Это подвиг! — восхищённо сказала Вера, она за всех вела разговор со словоохотливым ездовым. — Оба они герои.

— Я и говорю, — подхватил Тимофеич и задумался, перебирая в памяти разные случаи. С тех пор как он переправился через Дунай, многое довелось повидать, хлебнуть всякого лиха. Всему дал свою оценку. Одно, достойное, — возвысил, другое — осудил. И, отвечая своим мыслям, проговорил вслух: — Я вам, сестрицы, мог бы ещё и про солдата Степанова рассказать. Поучительный пример.

Но начал не сразу рассказ, чтоб пробудить больший интерес.

Закурив, тихим голосом стал подгонять лошадей, а когда те вновь сбавили шаг, заговорил:

— Это тут как раз под Плевной было, в начале августа. В бой пошла 19-я пехотная рота. (Груня заметила про себя: Тимофеич любит точность. Называет и время, когда что произошло, и номера частей.) Наши дрались отчаянно, — продолжал Тимофеич, — но перевес был на турецкой стороне. Мы несли большие потери. Было много раненых, ранили и солдата Степанова в голову и ноги.

Очнулся он поздней ночью. Луна светит, и тишина вокруг. Только слышит он конский топот — двое турок едут. Солдатик лёг на спину, притворился мёртвым. Турки соскочили с лошадей и стали обшаривать убитых, раненых же добивали. Один турок ударил Степанова в лицо ногой, проверить, может, живой. Солдатик наш сдержался, вытерпел страшную боль, не вскрикнул и глаз не открыл. Не пошевелился и в тот миг, когда стягивал с него, идол поганный, сапог с перешибленной ноги. А напоследок турок вновь ударил его. Всё выдержал Степанов. Откуда у него только силы брались!

Вороги уехали, но это ещё не все испытанья.

Снял он с себя рубаху, оторвал рукав и обмотал рукавом разбитую ногу. Делать нечего, спасай сам себя, солдат. И он пополз, сдерживаясь, чтобы не застонать от мучительной боли.

Наступил рассвет, а он всё ползёт! Ещё, ещё! Не хочет сдаваться смерти. Турки вновь его чуть не обнаружили, но он успел в кустах спрятаться. Проехали мимо, не заметили его. Только на вторую ночь пополз горемычный до своих — натолкнулся на казачий разъезд. «Братцы! Братцы! Спасите!» — крикнул он слабым голосом, не в силах подняться. Его услышали. Казак посадил его к себе на коня и привёз в лазарет.

Так вот и спас себе жизнь солдат Степанов. А потерялся бы, пришёл в отчаянье, и не стало бы его. Теперь он снова на ногах, в 19-м Костромском полку состоит.

Да что там! — воскликнул Тимофеич. — Хоть и говорят: от судьбы не уйдёшь — да только судьба судьбой, а за жизнь крепко стой, не отдавай попусту. Она для славных дел годится.

Всё! — закончил неожиданно Тимофеич. — Отвёл душу, наговорился и вас совсем заговорил. Что там случилось? — встревожился он.

Навстречу ехали болгары на телегах и вьючных лошадях. Из корзин, пристроенных на ослах, выглядывали дети, тревожно озираясь по сторонам.

Молодая болгарка с ребёнком на руках подбежала к санитарной повозке.

— Турки не придут? Надо бояться? — быстро спросила она.

— Не бойся, — ответил Тимофеич.

Она заплакала, но уже успокоенно. Кто-то произнёс:

— Боже, дай русским силу!

Следом прозвучали слова:

— Много счастья! Много здравия, братушки! На добрый час!

Толпа расступилась, пропуская санитарную повозку с Тимофеичем и сёстрами милосердия.

Вот она, болгарская земля! Разделилась: к одним свет и радость пришли, другие ещё горе мыкают. Одни ликуют: «Свобода!», другие в неволе страдают.

Но сгинет, скоро сгинет лихо на болгарской земле. Придёт для всех долгожданная свобода!

БИТВА ЗА ГОРНЫЙ ДУБНЯК

Болгарская осень, так похожая на российское «бабье лето», сменилась ненастьем. Похолодало. Начались сильные дожди.

Все ждали сражений за Плевну.

Турки превратили Плевну в неприступную крепость. Вокруг ряды окопов, траншеи, редуты. Само расположение города благоприятствовало турецкой армии: он раскинулся на холмах, внизу — глубокая лощина, по которой течёт река Вит.

Не раз пытались русские солдаты штурмовать Плевну. Но безуспешно. Особенно тяжёлые сражения произошли в сентябре, незадолго до прибытия сюда сестёр милосердия из Петербурга. Потери русских были так велики, что Главное командование предложило на некоторое время отойти от Плевны.

Но позднее было принято новое решение: начать её осаду.

Из Петербурга прибыл в Действующую армию генерал Тотлебен, чтобы возглавить руководство осадой. Тотлебен — талантливый русский военный инженер, который отличился ещё в Крымскую войну, во время героической защиты Севастополя. Теперь на него возлагали большие надежды.

Он тотчас же приступил к осадным работам. Прежде всего было намечено завершить полное окружение города и сделать это как можно скорее.

Турки не подозревали о замысле русских и чувствовали

себя уверенно. Под Плевной на Софийском шоссе они построили сильные укрепления в трёх деревнях — Телише, Горном Дубняке и Дольнем Дубняке. Как раз здесь проходила дорога, по которой турки беспрепятственно подвозили в Плевну продовольствие и оружие. Необходимо было помешать им это делать, только тогда и удалось бы завершить полное обложение Плевны.

Помешать — значит отбить у турок все три их укрепления на Софийском шоссе, в первую очередь Горный Дубняк. Начать бой за Горный Дубняк приказано было генералу Гурко, командующему войсками за рекой Вит. Сорокадевятилетний генерал всегда действовал смело и решительно. Уже в начале войны под его командованием Передовой отряд Дунайской армии — всего двенадцать тысяч человек при сорока орудиях — совершил смелый переход через Балканы и седьмого июля захватил Шипкинский перевал. Были одержаны им и другие славные победы.

В ближайшее время гвардейским частям генерала Гурко предстояло начать бои за Горный Дубняк.

Болгарский разведчик Иван Додонов разузнал, что там находится три тысячи турецкой пехоты, тысяча кавалерии и два орудия, и сообщил об этом русским. Донесение разведчика помогло более тщательно подготовиться к предстоящей битве.

В ночь на двадцать третье октября солдаты начали сниматься с бивуаков. Готовился в поход и санитарный летучий отряд, в состав которого входила Груня.

Солдаты грелись у догоравших костров; у всех серьёзные, задумчивые лица. Впереди бой. Не всем повезёт, не все останутся живыми. Вспоминали о доме, уговаривались не бросать друг друга, коль ранят кого-то из них. Ничто так не страшило солдата, как попасть в плен к туркам.

От костра к костру переходил офицер с длинной саблей на боку. Говорил что-нибудь ободряющее то одному солдату, то другому и непременно просил:

— Смотри, братец, береги патроны. Без толку не выпускай. Стреляй редко, да метко.

— Да уж мы знаем,— отвечал солдат,— надо беречь. По-стараямся.

Он, как и офицер, понимал, что силы были не равны. Большая разница — с вооружением у русских и у турок. Вражеская пехота была вооружена новейшими английскими скорострельными винтовками, с прицелом на тысячу восьмьсот шагов. И патронов было в изобилии — англичане снабжали бесперебойно. А у русской пехоты винтовка устаревшего образца с коротким прицелом: всего на шестьсот шагов. Новыми же винтовками — берданками, которые считались не хуже турецких, вооружены были лишь стрелковые части. Не хватало и патронов.

Но «пуля — дура, штык — молодец!» — говорил русский солдат и шёл в бой без страха. Да и прибавляла ему сил вера в правоту вершимого им дела. Он знал, зачем пришёл в Болгарию: не завоёвывать, а дать ей свободу.

На рассвете раздалась команда:

— Разбирай ружья!

Барабанщик забил тревогу, и гренадёры четвёртого батальона Павловского полка ринулись вперёд.

Они шли по открытой местности под сильным огнём неприятеля, укрывшегося за брустверами редутов.

— За мной, братцы! Ура! — кричал офицер, увлекая за собой гренадеров.

Ружейный огонь участился. Рвутся снаряды, падают первые убитые.

Груня поползла вперёд под яростным огнём медленно и неуверенно. Она всё сильней прижимается к земле, и наступает миг, когда она уже не способна сдвинуться с места. Смертельный страх сковал её движения. Зачем она тут? Невмоготу выдержать весь этот ад. Поблизости разорвался снаряд, пыль повисла над головой, закрыла небо, всё закрыла вокруг. Пыль в горле, пыль скрипит на зубах, трудно дышать. Неужели она ещё жива?

Хочется слиться с землёй, исчезнуть. Жить, жить, только бы жить!

— Сестрица, помоги! — услышала она слабый голос.

Подняла голову, огляделась, рядом раненые. Как же не заметила их сразу? Это страх застилал ей глаза, страх за свою жизнь.

Усилием воли взяла себя в руки, подобралась к раненому, быстро и ловко перевязала его.

— Доберёшься сам? — спросила она.

— Доберусь, спасибо, сестрица.

Груня помогла ему приподняться, провела немного и, убедившись, что он хоть и шатаясь, но может идти, бросилась на помощь другим раненым.

Только что бежал солдат и вдруг тяжело рухнул на землю. Груня наклонилась над ним, смотрит, куда ранен.

— Ты уж не бросай меня, сестрица, — произносит чуть слышно солдат.

— Как можно? — успокаивает его Груня. — Ты потерпи, солдатик, потерпи, сейчас легче станет, — приговаривает она, делая перевязку. Позвать бы санитаров, да пока придут, солдат может погибнуть. Приходится самой действовать. Сил у неё хватает, и она тащит раненого на шинели до ближайшего укрытия за маленьким холмиком. Оттуда его уносят санитары, а она, пригнувшись, где ползком, где перебежками, возвращается в самое пекло.

Гвардейцы пошли в новую атаку. Свист пуль, стоны раненых, звуки турецких рожков, русское «ура!» и турецкое «алла!».

«Хоть бы живы были солдатики! Хоть бы живы!» — молит Груня. Сейчас для неё эти незнакомые люди были дороже всех на свете, стали ей родными. Ничего бы не надо, ничего, лишь бы спасти их, лишь бы уцелели они!

Гвардейцы стали отходить под натиском турок. «Алла! Алла!» — слышались победные крики. Вот уже совсем близко враги. Над ними развевается зелёное знамя с полумесяцем. Ещё немного, и сомнут русских.

Но подоспело подкрепление. В третий раз двинулись гвардейцы к холму, главному редуту, где засели турки. Кто-то раньше всех вскочил на вал и крикнул:

— За мной, братцы! Вперёд! Ура!

Шум, грохот, взрывы. Всё застилает густой белый дым.

— Спасибо, ребята! Славно! Славно! — слышался подбадривающий голос офицера. — Не отходить! Стоять до последнего!

Гвардейцы бросились в штыковую атаку и погнали турок.

На поле остались раненые и убитые. Груня с другими сёстрами милосердия и санитарями продолжала разыскивать раненых. Одних перевязывала на месте, другим помогала добраться до лазарета.

Усилился дождь, начало смеркаться. Как будто бы никто не остался лежать на поле боя, всех унесли. Можно возвращаться на перевязочный пункт. Но какое-то внутреннее беспокойство мешает Груне уйти. Она спустилась в ложбинку, заросшую кустарником, обошла её и услыжала стон. На опавших листьях лежал человек.

— Ты живой, солдатик? — кинулась к нему Груня.

— Живой, живой я! — поспешно, задыхающимся голосом отозвался солдат, боясь, что его тут оставят, если он мгновенно не откликнется. И застонал.

— Потерпи, милый, потерпи, — засуетилась Груня. — Сейчас я тебе помогу. Всё хорошо будет.

Она приподняла раненого, подтащила к кусту, чтоб он мог прислониться к нему, и стала перевязывать. А когда кончила, сказала:

— Попробуй встань. — И, поддерживая его, просила: — Помогай себе, солдатик, помогай, надо встать.

Он чуть приподнялся, но тут же упал.

— Не могу, — тоскливо сказал он. — Видно, пропадать мне тут.

— Я одна не справлюсь, не дотащить тебя, вишь, какой пошёл ливень. Надо позвать санитаров, они тебя на носилках унесут. Пойду схожу за ними.

— погоди! — испугался солдат. — Попробую ещё раз встать.

Он немного приподнялся, но вновь упал со стоном.

— Вот видишь, придётся звать людей, — уговаривала его Груня.

— Так ты не забудь про меня, — с тревогой проговорил он. — Не забудешь, а?

— Что ты, солдатик, мыслимо ли такое? — укорила его Груня. — Жди, я мигом вернусь.

Она ушла, а вскоре вернулась с двумя рослыми санитарями, которые унесли раненого солдата в лазарет.

Горный Дубняк был взят штурмом. Через несколько дней удалось отбить у турок ещё два важных укрепления — Телиш и Дольний Дубняк. Замкнулось кольцо вокруг неприступной Плевны. Теперь ни с какой стороны не могла прийти к туркам помощь.

•ДОБРЕ ДОШЛИ, БРАТУШКИ!•

Плевна была полностью отрезана от основной турецкой армии. Все дороги к ней закрыты... Но осаждённые — их было пятьдесят тысяч — не собирались сдаваться, а ещё сильнее стали укреплять свои позиции. Они отрыли вокруг города глубокие и такие широкие траншеи, что там могли передвигаться не только пешие, но и конные части. С молниеносной быстротой возводились прочные блиндажи. Подступы ко всем орудиям и складам с боеприпасами были заминированы.

Теперь Плевна казалась ещё более неприступной, чем раньше.

Но Тотлебен рассчитывал взять противника измором, без больших потерь. К концу ноября в Плевне начался голод, об этом говорили лазутчики, приносявшие сведения о турках. И главное, о чём также говорили лазутчики, «турецкие войска падают духом и каждый день дезертируют».

Чувствовалось: вот-вот начнётся битва за город. Все

напряжённой становилось ожидание. Прибыло новое пополнение болгарских ополченцев. Лица смуглые, глаза чёрные, волосы густые, тёмные. Обмундированием тоже не похожи на русских солдат: в тёмно-зелёных мундирах с красными погонами, на шапках кресты.

Про ополченцев в русской армии отзывались с одобрением. Сам генерал Гурко сказал, что в сражениях с турками они показали себя такими героями, которыми может гордиться и русская армия.

Турки затаились. Ни выстрела, ни обычных для них неожиданных вылазок. Тишина нависла над позициями.

А вскоре бурлящую реку Вит переплыл из Плевны болгарин-разведчик и принёс важное сведение: турки готовятся прорвать блокаду.

На рассвете десятого декабря началась атака. Сплошной цепью хлынули турецкие стрелки на первую линию обороны. Стоявший там батальон Симбирского полка был смят и оттеснён.

С ходу турецкие стрелки вклинились во вторую линию обороны. Но подоспевшие гренадеры отогнали их и захватили у них восемь пушек. А рядовой Астраханского полка Егор Жданов в одиночку пробился к турецкому полковому знамени и захватил его, уничтожив великана-знамёнщика и двух стерегущих знамя янычар.

Битва за Плевну длилась долго, становясь всё ожесточённой. Но перевес оказался на стороне русских. Среди турок началась паника. Они было бросились бежать к оставленным укреплениям, чтоб в них укрыться, но опоздали — там уже были русские.

Так, десятого декабря, после пяти месяцев сражений, отборная турецкая армия Осман-паши подняла белый флаг.

Военнопленный турецкий командующий, раненный в ногу, сидел у небольшой высотки. «Непобедимый», по-турецки Гази, сдавал победителям свою шпагу. На лице и деланное смирение, и бессильная ярость. Дрожат руки, которые он пытается спрятать от устремлённых на него со всех сторон

взглядов. Рядом с ним стоят десять пашей, генералов, тоже пленных. Взяты в плен были и свыше двух тысяч офицеров, и более тысячи всадников.

Склонив головы, шли пленные — их было более сорока тысяч — и кидали на землю оружие и свои знамёна. На пленных молча смотрели выстроенные в шеренги русские гренадеры.

Единое победное «ура!» разнеслось над Плевной, когда было брошено наземь последнее турецкое знамя.

Освобождённый город ликовал. Торжественно звонили колокола. Болгары встречали победителей хлебом-солью, женщины осыпали их веточками самшита. Слышались возгласы:

— Братушки! Русы! Добре дошли, спасители наши! Дед Иван пришёл! Да здравствуют братушки!

Солдат зазывали в дома, ставили на стол всё, что удалось сберечь от турок. Гремела музыка.

Сквозь толпы людей пытаются пробраться Груня с Тимофеичем. Их обнимают, целуют, девушки дарят Груне белый платок. Из дома выбегает женщина с караваем хлеба в руках, в подол юбки вцепился мальчонка лет четырёх. Женщина ищет глазами, кому бы преподнести хлеб, и, увидев перед собой Тимофеича, протягивает ему каравай. Он отломил кусочек и разделил его с Груней.

Молниеносно образовался круг. Обхватив друг друга за плечи, мужчины пустились в огневую пляску — хоро. Рядом запели. Увидев, с какой радостной улыбкой и как сосредоточенно вслушивается Груня в песню, пытаюсь уловить смысл, стоявший возле неё ополченец спросил:

— Разбираш, сеструшка? О чём песня, разбираш?

Груня улыбнулась в ответ.

— Про свободу поют.

— Слышишь? Слышишь? — добивается ополченец. Глаза горят, белозубая улыбка не сходит с лица. Сам стройный, высокий, Груня до плеча ему. — Разбираш? Они поют: «Вставайте, братья!» Разбираш?

— Разбирам,— по-болгарски отвечает Груня. Её глаза тоже блестят — день такой счастливый.

— По-нашему говоришь,— обрадовался ополченец.— А я умею по-вашему. Я жил в России, там учился.

Он говорил быстро, чтобы успеть сказать всё сразу, но рядом запели новую песню, и он не выдержал, подхватил её:

Откогаз е, мила моя майно льо,
Зора зазорила,
Оттогаз е, мила моя майно льо,
Войска преваряла.
Конь до коня, мила моя майно льо,
Юнак до юнака...

Пели с нескрываемым ликованием, согреваясь песней. А когда кончили, ополченец наклонился к Груне:

— Сеструшка, разбираш что-нибудь?

Почему-то ему очень хотелось, чтоб русская сестра поняла главное. Поняла, что это не просто песни, а вера народа в освобождение, в победу, это сопротивление турецкому игу.

— Мало что поняла,— призналась Груня.— Только знаю: «юнак» значит «храбрый». И ещё догадываюсь, что «зора зазорила» — «засияла заря». Так?

— Правильно, правда! — в восторге воскликнул ополченец и сдвинул набекрень шапку с крестом так же лихо, как русские кавалеристы.

— Скажи мне ещё,— попросила Груня,— я первые слова запомнила, они повторяются, что значит: «Откогаз е, мила моя майно льо»?

— Как не понять? — искренне удивился ополченец.— «Откогаз» — значит «когда», «мила моя майно льо» — «милая моя матушка». Что непонятного тут? Эту песню наши люди пятьсот лет поют. С ней они ходили в поход против турок. В ней — вера в победу.— И повторил по-болгарски: — Зора зазорила!

— Зазорила! — как эхо отозвалась Груня.

Молодой ополченец загляделся на неё, хотел что-то сказать, но неожиданно толпа танцующих подхватила его и увела с собой.

Груня с Тимофеичем направились к госпиталю, сейчас там много работы. Раненых — не сосчитать, и своих и турок.

Толпы не убывали на улицах Плевны. Танцевали, веселились счастливые люди. Как долго ждали они этого дня! Пятьсот лет! Верили: придёт помощь из России, придёт дед Иван. И станет родная земля свободной.

Крепко ждали, надеялись, но не сидели сложа руки: скрывались в горах, вооружались. И вот появился Васил Левский. Много лет ходил он по своей стране, поднимал народ на борьбу. Говорил, что наступит время, когда на болгарской земле не будет не только турецкого ига, но и ни бедных, ни богатых. Все будут равны.

Турки казнили народного героя, но жили его призывы к оружию, поднимали людей на подвиги.

И наступило двадцатое апреля 1876 года: началось всенародное восстание против турецкого ига. Вставайте, стар и млад! И встали самые смелые, взяли вилы, оглобли, дубины, взяли старые ружья и самодельные пули. «Свобода или смерть!» — было начертано на их знамени с большим золотым львом. И они сражались, как львы. Но силы были неравные. Турки подавили восстание, зверски убили тридцать тысяч непокорных болгар, однако не поставили народ на колени.

Вновь вся надежда оставалась на русских. И вот они пришли. Как и пелось в народных песнях, из-за Дуная-реки... Правда, не вся ещё болгарская земля свободна. Но Плевна может ликовать, Плевна свободна.

Гремит музыка, танцуют и поют болгары, не смолкают возгласы «ура». И слышится вокруг:

— Здорово, братушки! Здорово, дед Иван! Свобода навеки!

ПЕРЕД НАСТУПЛЕНИЕМ

В караулке, прозванной брянской хатой, засветился огонёк. Здесь, у подножия Николаевской горы, расположился отряд поручика Брянского полка Денисова.

Брянскую хату знают не только защитники Шипкинского перевала, знакома она и болгарским беженцам. Поручик Денисов не раз подкармливал из своих скудных запасов беженцев и делился с ними одеждой.

А однажды в сильную метель брянцы подобрали у подножия горы полураздетого мальчика. Его внесли в хату, отогрели, накормили и одели в тёплую одежду. Мальчик оказался сиротой. Идти ему было некуда, и он остался у приютивших его солдат, живёт теперь здесь, в брянской хате.

Светало. Поутих ураганный ветер, не смолкавший всю ночь. Скрипнула дверь, и из занесённой снегом хаты вышел худощавый человек в военной форме. В руках он нёс раскладной стул. Вслед за ним выбежал болгарский мальчик, приёмыш, обеими руками прижимавший к себе, чтоб не уронить, кожаную сумку. Мальчик пошёл рядом. Но вот худощавый человек остановился, обнял мальчика за плечи, взял у него сумку и дальше пошёл один, проваливаясь в снег.

Это был художник Василий Васильевич Верещагин, который уже долгое время находился здесь, на Шипке, рисовал её защитников. Сейчас он поднимался на вершину Николаевской горы, собираясь делать наброски для большой картины. Уже пришло и название её: «На Шипке всё спокойно».

Там, куда он поднимался, на вершине Николаевской горы, в страшные метели и при нестерпимом морозе бесменно стоят на часах брянцы. Вместе с Орловским полком и болгарскими ополченцами Брянский полк обороняет Шипку уже с августа месяца.

Если бы вдруг заговорили горы! Если бы смогли поведать о том, что было здесь в августе 1877 года, им бы не

поверили. Но остались живые свидетели, участники августовских сражений. Они всё ещё продолжают защищать Шипкинский перевал. Сейчас они гибнут от лютых морозов, а тогда, в августе, гибли от нестерпимого зноя, от жажды. Под страшным огнём противника.

Командующий турецкой армией Сулейман-паша пытался в те дни любыми силами укрепиться на Николаевской горе. Несколько суток бились защитники Шипки и отразили удар. Но ненадолго. Турецкие войска иступлённо бросились в новую атаку.

Была светлая лунная ночь. Не сразу заметили турки, что небо потемнело. Чёрный диск надвинулся на луну. Лунное затмение! Турки ужаснулись: для них это было плохим предзнаменованием. Но прошло замешательство. Развернув своё зелёное знамя, они ринулись в решающую атаку.

Защитники перевала выбивались из сил. Потери были огромны.

Вот уже видны разгорячённые злобой лица врагов. Оставалось только вступить в рукопашную схватку. Больше защищаться было нечем.

Конец!

И вдруг раздались крики «ура» — то прибыл Брянский полк. Брянцы сделали героический марш-бросок. И успели вовремя, хоть для этого пришлось совершить невозможное. Так, солдаты 4-й стрелковой бригады прошли в полной боевой выкладке сорок вёрст за шестнадцать часов, а солдаты 14-й дивизии — шестьдесят вёрст за двадцать пять часов. Лица почернели от усталости, но солдаты тут же вступили в бой и бились до глубокой ночи, приговаривая: «Знай, турок, как ходить на русских».

Больше противник не пытался захватить перевал.

Началось долгое «Шипкинское сидение». Турки «уселись» у подошвы горы ждать весны. Они были уверены, что русские не выдержат сильных холодов и сами покинут перевал.

Но русские не уходили. Вместе с болгарскими ополченцами они уже пятый месяц стойко держали оборону.

Должно быть, тогда и сложил кто-то солдатскую песню про «шипкинских орлов»:

Вспомним, братцы, как стояли
Мы под Шипкой в облаках
И как турки лезли в гору,
Да остались в дураках.

Нехитрая песня, зато точная и задорная, как воспоминание бывалого солдата.

Зима выдалась невиданно холодная для Болгарии, почти русская. Дули ураганные ветры. Всё засыпало снегом.

Случалось, землянки обваливались под снежными заносами.

Часовые коченели от холода. Много было обмороженных и больных.

А в это время каждый день неизменно генерал армии Радецкий посылал в штаб главнокомандующего одно и то же донесение: «На Шипке всё спокойно!»

...Верещагин добрался до вершины Николаевской горы. Огляделся. Перед ним уже ставшая привычной картина. Склоны гор, покрытые густыми лесами, засыпанные снегом крутые горные тропы, глубокие ущелья и впадины. Внизу, у подошвы горы, тянется цепь турецких траншей. Оттуда прямо на перевал нацелены батареи. Всё кругом зловеще затаилось.

Верещагин опускает неподалёку от землянки раскладной стул, с которым он никогда не расстанется и вскоре в его альбоме появляется карандашный набросок: солдат стоит по пояс в снегу, опираясь на ружьё. Вид утомлённый, но нет в лице солдата обречённости. Есть верность долгу, озабоченность и человеческая доброта.

Для будущей картины сделано уже много набросков. В них боль художника и его любовь к герою-солдату, на долю которого выпали неимоверные страдания. В них — правда. Очень жестокая и суровая, которая ранила сердце.

Когда Радецкий увидел рисунки Верещагина в альбоме,

он побледнел — такое сильное производили они впечатление — и попросил уничтожить их, чтоб их не увидели в России.

Верещагин не выполнил просьбу генерала, продолжал рисовать, не отступаясь от правды.

Становится всё холодней. Усиливается ветер. Верещагин заканчивает свою работу и прячет альбом в кожаную сумку. Надо спускаться вниз, пока не разразился настоящий ураган.

Возле брянской хаты его ждёт мальчик-приёмыш. Увидев художника, бежит навстречу и отбирает у него сумку. Несёт её сам. Темнота окутала Шипку. Чуть светит огонёк в окошке брянской хаты. Свистит, воет свирепый ветер.

На Шипке всё спокойно!

ЗИМНИЙ ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ БАЛКАНЫ

Победа под Плевной открыла русским войскам дорогу на Шипку.

Двенадцатого декабря Военный совет принял решение о переходе войск через Балканы. Начинать переход надо было как можно скорее, не дожидаясь весны, чтобы не дать туркам опомниться после поражения. Не дать перестроить свои силы. И гнать их, гнать безостановочно с болгарской земли.

Весті наступленье предполагалось сразу в трёх направлениях. На запад, в сторону Софии, двинутся войска генерала Гурко. Через Троянский перевал пойдёт отряд генерала Карцева. А части Радецкого, охранявшие Шипкинский перевал, должны были действовать в этом же районе.

На Шипке у противника была сильная оборона. Там, у селения Шейново, в Казанлыкской долине, стояли лагерем тридцать пять тысяч турецких войск во главе с командующим Вессель-пашой. Чтoб избежать больших жертв, намечалось обойти врага с двух сторон по труднопрохо-

димым перевалам и нанести неожиданный удар. Сделать это должны были правая и левая колонны из отряда Радецкого.

Таков был общий замысел сражений, принятый через два дня после победы под Плевной. Замысел небывало смелый. Ведь стояла суровая зима, все тропы занесло снегом. Никогда ещё ни одна армия мира не переходила зимние Балканы. Это считалось невозможным. Но русская армия думала иначе.

Тридцать первого декабря войска генерала Гурко одолели Балканский хребет, а через четыре дня была освобождена София. Сразу же выступила левая колонна и направилась к Травненскому перевалу. Ждал своего часа и Скобелев, возглавлявший правую колонну. Он готовился, как всегда, тщательно, действуя по суворовской поговорке: «Солдат дóрог». Скобелев старался всё предусмотреть. Солдаты получили запас сухарей на пять дней и необходимое в горных условиях обмундирование. Заранее были подобраны выносливые лошади, хотя больше приходилось рассчитывать на людей при подъёме в гору. К трудному переходу готовились и сёстры милосердия. Они должны были следовать за передовыми частями и уже прибыли в Топлиш, где стояла правая колонна.

Наконец-то Груня собственными глазами увидела прославленного генерала Скобелева. Правду сказал Тимофеич, вид у него молодецкий, лицо красивое, голубые глаза, ясный взгляд.

Она уже много о нём слыхала и от раненых, не только от Тимофеича. Рассказывали, что он прибыл в Болгарию добровольцем. Что за храбрость был награждён двумя Георгиевскими крестами и золотым оружием. И ещё говорили, что у него много недругов. Некоторые высшие чины невзлюбили его, завидовали его славе, наговаривали на него самому царю. Рассказывали такой случай: когда после героической переправы через Дунай царь Александр Второй торжественно обходил войска, поздравляя с победой, он отвернулся, увидев Скобелева.

И всё равно слава и храбрость Скобелева победили вражду, и имя «генерала в белом» узнали все в Болгарии и в России.

Перед началом похода Скобелев обратился к солдатам с напутственным словом. Он не скрывал, что предстоит трудный переход через Балканы. Без дорог, через глубокие снежные сугробы, одолевая высоты, остерегаясь пропастей. И всё это на виду у сильного врага. Он призывал быть мужественными, хранить славу своих отцов.

Солдаты слушали его с волнением. Перед каждым вставал в памяти пройденный путь: переправа через Дунай, сраженья за Плевну, бой под Горным Дубняком. Теперь их ждут новые подвиги.

— Наше дело святое! — закончил Скобелев.

И в ответ разнеслось могучее «ура!».

На лицах солдат преданность: все пойдём без страха!

Ему верили, его любили и чувствовали себя готовыми совершить подвиг, отдать свою жизнь во имя победы.

Смолкли крики «ура!», и наступила совершенная тишина. Скобелев вновь заговорил.

— Болгаре-дружинники! — обращался он теперь к болгарским ополченцам. — В боях с врагом вы заслужили любовь и доверие ваших ратных товарищей, русских солдат. Пусть будет так же и в боях, которые предстоят!

И вновь в ответ прогремело «ура!». И вновь в этом возгласе слились голоса русских и болгар.

Как и в боях под Плевной, они пойдут вместе и стойко выдержат любые испытания. Выдержат, чтобы победить.

Перед вечером отряд направился к Имитлийскому перевалу, в обход Шипки. Оттуда он должен был спуститься к деревне Шейново, где собрались главные силы турок.

Впереди — авангард во главе с генералом Столетовым. В авангард входит рота сапёров, один стрелковый батальон, сотни уральцев, две болгарские дружины. Следом — остальные части Скобелева, в том числе пять дружин болгарского

ополчения. С этими дружинами прошёл Столетов от Дуная до Балкан. Ополченцы любили своего русского генерала за доверие к ним, за справедливость, за то, что переносил вместе с ними все тяготы августовских сражений за Шипку. И вот он снова идёт с ними, невысокого роста, с седыми висками, умное, волевое лицо. От всего его облика веяло спокойствием и внутренней силой.

Неожиданно хлынул ливень со снегом и тотчас же ударил сильный мороз. Люди с трудом карабкались по обледеневшим скатам, появились раненые и обмороженные.

— Братцы! Навались! Раз-два-три! — слышалось в заснеженных горах.

Под эти возгласы солдаты поднимали пушки на крутых подъёмах и спускали на канатах, которые закреплялись за деревья и камни. Иначе было не одолеть.

— Эх, дубинушка, ухнем! Сама пойдёт! Сама пойдёт! — отдавалось эхом. И здесь, как искони велось в трудную минуту, солдаты помогали себе песней.

Снег высотой в два метра, крепкий мороз, пронизывающий ветер.

— Навались, братцы! Навались!

И одобрителное:

— Славно, ребята! Спасибо!

Кое-где двигались по одному, проваливаясь по поясу в снег. Поднимались и скатывались назад на крутых каменистых подъёмах. От сильной стужи гибли кони.

Тяжело было в этом походе солдатам, но ещё тяжелее сёстрам милосердия, которые неотступно следовали за отрядом. Непрерывно требовалась их помощь: то перевязать раненого, то поддержать ослабевшего, напоить чаем продрогшего от холода. В то же время и самим надо было удержаться на ногах, не упасть, не ослабеть. Идти и идти вперёд.

Подъём становился всё круче, всё труднее. Одну высоту одолели, за ней новая, ещё более опасная. Сорвался — и косточек не собрать, внизу бездонная глубина.

Груня почувствовала, как её начинает одолевать отчаянье. Дойдём ли? Кругом опасность, всё грозит смертью. Можно голову сложить и от пули врага, и от неосторожного движения. Но всё равно: «Коль выйдешь — дойдёшь!» — упрямо твердила она самой себе. Главное — не пускать страх в душу. И верить, что без неё, как и без каждого, кто шёл с ней рядом, не обойтись. Не было б сестры милосердия Груни, возможно, кто-то и не выжил бы, остался на поле боя. А кто-то пал духом, не получив вовремя поддержки. Надо идти обязательно.

Если бы наладилась погода! Перестал бы сыпать безжалостный дождь со снегом!

Вчера на минуту Груня обрадовалась. Сквозь тучи неожиданно-негаданно вынырнул месяц, взгляделась — круты рожки. Народился молодой, круты рожки, — к хорошей погоде — есть такая примета. Но как видно, в горах иные приметы, не те, что в русской Матрёновке. Не помогли круты рожки, небо вновь заволокло тучами. И вновь то снег, то ливень, то ураганный ветер.

Впереди, точно призраки, возникают деревья и скалы. Груня поглубже надвигает на голову суконный башлык. Холодно. Ноги как деревянные, высокие походные сапоги не греют. Спасает только движение, но идти приходится медленно. За сутки одолели не более семи вёрст, и то с большим трудом.

Переходить заснеженные Балканы в мороз и при ураганном ветре казалось настолько невероятным, что турки и не допускали мысли о наступлении русских. Они спокойно оставались у Шипки, собираясь дотянуть до весны, чтобы потом самим двинуть на русских.

Тем временем отряд Скобелева продолжал переход.

Узкие тропы извиваются среди громоздящихся одна на другую скал. Идти по ним мучительно трудно и опасно. Не раз срывались и падали в пропасть лошади, соскальзывали вниз повозки и орудия. Иссякали последние силы.

Наконец-то привал у вековых буков. Люди с большими

предосторожностями разжигают костры, тянутся к огню. Чуть обогревшись, уступают друг другу место.

К костру поднялась Груня с большим чайником кипятка, напоить озябших солдат. Поодаль от костра она заметила человека в заledenевшей, как у всех, шинели. Он сидел на складной табуретке и рисовал солдат, протянувших руки к костру. Груня узнала его: художник Верецагин. Он был и под Плевной, где его легко ранило.

Художник поднялся со своей складной табуретки и подошёл к костру погреть озябшие руки. Груня торопливо налила в кружку кипятку и протянула ему.

— Погрейтесь, — сказала она сочувственно.

Он взял с благодарностью и стал пить, согревая о кружку руки. Стоявший рядом солдат в изумлении уставился на Груню.

— Егор! — вскрикнула она. — Братец!

Их мгновенно окружили солдаты, все улыбаются: брат с сестрой встретились. И где? Вон куда забросила обоих судьба, на Балканы. А Груня с Егором поверить не могут, что встретились. Разом заговорили, торопясь разузнать о жизни друг друга.

— Что, нет Феде с тобой? — спросила Груня.

— Разъединили нас после Плевны, — не сразу ответил брат.

— Вместе бы вам лучше было, — огорчилась она. — Где же теперь Федя?

— И сам пока не знаю, — сказал он. — Да ты не думай плохого, Грунюшка. Всё обойдётся. Расскажи-ка лучше про себя. Вижу, стала сестрой милосердия. Умница ты у нас.

Груня счастливо улыбается. Повезло ей безмерно — встретила любимого брата. Сразу все трудности забылись, будто мир сошёл на землю, — так светло, так радостно.

— Теперь бы хоть одним глазком на мамушку с отцом поглядеть, — помечтал Егор. — По нашему двору походить. Дорого б отдал за это.

— А помнишь, ты мне кувшинку над омутом сорвал? Я тогда перепугалась, утонуть бы мог,— вспомнилось почему-то Груне.

— Не забыла? — обрадовался брат.

— Разве хорошее забывается? Ты для всех был добрым. К тебе за правдой шли.

Ей не хотелось говорить о предстоящих боях. Сейчас для неё и для Егора дороже всего воспоминания о родном доме. Милая Матрёновка, мамушка с отцом, детство — всего несколькими словами перебросились Егор с Груней, а будто солнце проглянуло во тьме, будто к роднику с живой водой припали.

— Вставать! — раздалась команда. — В ружьё!

— Ты побереги себя, Грунюшка, побереги! — крикнул на прощанье Егор и побежал догонять своих товарищей.

А Груня, как это и предписывалось, последовала за отрядом. С ней неотлучно подруга Вера и ставший им близким ездовой Тимофеич, который вёл под уздцы лошадь.

Подойдя к горе Караджа, отряд остановился. Дальше двигаться невозможно. Пришлось расчищать заваленную снегом тропу. Не хватало лопат — расчищали руками, утаптывали, ложились на снег и перекатывались по нему с боку на бок.

Так продолжалось три версты. Наконец расчистили тропу. Вновь двинулись в путь, по самому краю пропасти.

— А-а-а-а! — раздался вдруг отчаянный вскрик.

Кричала Груня.

— Что? Что стряслось? — всполошились солдаты.

— Тимофеич! Тимофеич! — в ужасе проговорила Груня. — В пропасть упал. — И со слезами в голосе торопливо рассказывала: — Гляжу: только что был и нет его. На глазах поскользнулся и полетел вниз. Вот здесь, — показывала она рукой на то место, где случилось несчастье. — Прямо на глазах, — повторяла она. — Здесь!

Над пропастью сгрудились солдаты, глядели, рассуждали, как спуститься, поискать ездового.

Вдруг кто-то воскликнул:

— Братцы! Глядите! Вон он лежит! Может, живой? Заметили ездового и другие солдаты, начали звать его:

— Тимофеич! Откликнись, ты живой?

Снизу слышался стон и слабый возглас:

— Помогите, братцы! Живой!

Пригляделись — лежит на спине, не на глыбах камней, а между небом и землёй, будто на огромных жёстких ладонях. Это деревья откуда-то сбоку протянули над пропастью свои густые ветви и прочно переплелись. На ветви ладони и свалился Тимофеич.

— Держись, браток, не робей! — подбадривали его сверху. — Сейчас мы тебя вызволим из плена!

В обозе моментально отыскивали длинные верёвки, опустили их вниз Тимофеичу. Он тут же обвязался покрепче и вцепился руками в прочную верёвку.

— Давай! Давай! — раздалась команда, и бедолагу ездового подняли наверх.

На площадке вокруг него сбились люди. Слышались радостные возгласы:

— Счастлив же ты, Тимофеич! И в пропасти не пропал! Небось, изрядно перетрухнул?

— А то нет, что ли? — отвечал бледный Тимофеич. — Главное, вишь, детей жалко и жену, сильно б горевали. Спасибо, братцы, — сказал он осипшим от пережитого голосом и поклонился всем до земли.

Он взял терпеливо дожидавшуюся его лошадь под уздцы и повёл её. Надо догонять передовые части, а то и так из-за него люди замешкались, будь она неладна, эта пропасть!

Третий день движется отряд Скобелева. Последний привал в горах, и на рассвете начался спуск в Казанлыкскую долину. Спустились незамеченными, осмотрелись — будто в ловушку попали: перед ними турецкие укрепления, за спиной — отвесные скалы. Предстояла битва насмерть.

Густой туман окутывал долину. Под его прикрытием началось наступление на турецкие редуты. Впереди 63-й

пехотный Угличский полк с болгарскими ополченцами и горная батарея из восьми орудий. Полк наступал с распущенными знамёнами: Туман развеялся. Турки сразу заметили русских, открыли по ним сильный артиллерийский и ружейный огонь. В рядах наступавших возникло замешательство. Кто-то побежал назад, кто-то припал к земле, не решаясь поднять головы, кто-то пытался укрыться от огня за деревьями.

— Алла! Алла! — кричали турки.

Русские продолжали лежать под всё усиливающимся огнём, не в силах возобновить атаку. Поражение казалось неминуемым, турки предвкушали лёгкую победу.

— Алла! Алла!

И тогда командир полка Панютин выхватил у знамёнщика боевое знамя и ринулся вперёд.

— За мной, братцы! Смелее! Ура!

Барабанщик Бартелев — о нём потом напишут в книге подвигов — поднялся во весь рост.

— Ребята! — крикнул он. — Мы присягали. Неужто теперь откажемся? Вперёд! Ура!

И забил наступление.

— Ура-а-а! — подхватили дружно солдаты и ополченцы и бросились в атаку. Уже ничто теперь не могло остановить их.

И тут вновь увидела Груня художника Верещагина. Он сидел на своём раскладном табурете и спокойно рисовал под огнём.

Но вот через горы перевалила кавалерия. Началась новая атака Угличского полка. Верещагин не выдержал, вскочил на коня и помчался вместе с кавалеристами туда, где развернулась самая жаркая схватка.

— Аман! Аман! — слышалось вокруг — турки запросили пощады, поднимая руки вверх. И вскоре Вессель-паша выкинул белый флаг.

Крики «ура!» сотрясали Казанлыкскую долину и поднимались к вершинам Балкан. Летели вверх шапки. Ещё одна крупная победа.

Потом через многие годы в честь победы над турками болгары назовут самую высокую точку Шипки именем генерала Столетова. А в честь погибших русских воинов воздвигнут памятник-мавзолей. У подножия памятника встанет бронзовый лев, охраняющий вечный сон тех, кто пал в бою. На каменной стене будет сделана надпись: «Болгарин! Обнажи голову и благоговейно преклони колени на этом священном месте! Здесь русские войска и болгарские ополченцы с неслыханной доблестью отстаивали нашу свободу. Их томила лютая жажда, они коченели от холода среди грозных метелей, их косили пули, шрапнель и гранаты, но своей грудью, беззаветным своим мужеством, пламенным патриотизмом остановили они бешеный напор врага».

Памятнику этому жить вечно.

СОРОК ВОСЬМОЙ ВОЕННЫЙ ГОСПИТАЛЬ

Груня привыкла работать в трудных условиях, но Сорок восьмой военный госпиталь, куда она прибыла два дня тому назад, вверг её в отчаянье.

Он располагался в старинном местечке Бяле, где не было крупных зданий. Раненых размещали в сделанных на живую руку мазанках, в сараях, едва укрытых от холода, в кибитках. Многих укладывали прямо на полу, на соломенных подстилках, так как не было свободных коек. От холода и сырости — на улице стоял январь — хуже заживали раны.

Сердобольные сёстры как могли облегчали страдания раненым. Отдавали на бинты платья; своими одеялами укрывали дрожащих от холода людей, делились с ними скудной едой. И просто для каждого у них находилось доброе слово — оно тоже лечит.

В Бяле порой собиралось много раненых. Это было место, откуда их переправляли в город Яссы, и дальше — в Россию. Но самые слабые задерживались в Бяле на лечение,

иногда на длительное время. Все они лежали в просторной палате, под которую был отведён опустевший дом. В эту палату ухаживать за тяжелоранеными и назначили Груню. Она считалась опытной сестрой.

Работа привычная, Груня легко с ней управляется. Сделать перевязку, снять бинты, дать лекарство, помочь поудобней лечь, накормить тех, кто сам не в состоянии ни приподнять голову, ни шевельнуть рукой. Да и мало ли ещё других забот! Ими заполнен до предела весь рабочий день сестры милосердия. Не то что поесть или выпить чая, некогда на миг остановиться, некогда подумать о себе.

Кончился обход врачей. Раненые, кто полегче, оживились. Вот он, подступил момент, которого все с нетерпением ждали. Теперь можно написать письма домой, в Россию.

— Сестрица,— доносится до Груни из угла голос солдата,— ты напишешь письмо? Моя очередь подошла.

У Груни заблаговременно приготовлены карандаш и бумага. Она садится рядом и ждёт, пока раненый начнёт диктовать.

— Пиши,— просит он и произносит первые слова: — Здравствуйте, дорогая матушка Анна Фёдоровна и дорогой батюшка Иван Петрович, тётушка Татьяна Фёдоровна. Низкий поклон вам всем. А также поклон жене Насте, тётке Дуне, деткам — Ванятке, Гришане, Манюшке...

На лице солдата улыбка. Ему дорого называть по именам всех своих родных. Он снова чувствует себя сильным, знает, с каким нетерпением ждут дома его слова, и он находит самое нужное.

Груня подхватывает мысли солдата на лету, облакает их в понятные слова. Она пишет крупными буквами, чтобы там, в деревне, без труда прочитали письмо.

— Не утомил я тебя, сестрица? — спрашивает он смущённо.

Но Груня с ещё большим усердием выводит буквы. Сама подсказывает, что дальше написать. Надо упомянуть добрую весть: мол, не тревожьтесь, дело идёт на поправку.

— Да, да,— подхватывает солдат.— Пропиши, что сделали операцию. Был тут сам доктор Пирогов, он делал. Руки, ноги целы. Вот отлежусь и вернусь домой, стану пахать и косить. Да спроси, всё ли там у них ладно. Как управляются без меня?

И заканчивает, как принято в письмах: «Низкий поклон вам от сырой матушки-земли до высокого неба».

— Спасибо, сестрица,— благодарит он Груню, когда та перечитала письмо.— Складно. Будто повидался со своими, поговорил.— И улыбнулся умиротворённо.

— Пить! Пить! — донеслось вдруг до Груни с конца палаты.

Груня поспешила на голос, с трудом пробираясь между койками и лежащими на полу людьми, дала пить...

— Плохо моё дело, сестрица,— с тоской говорит солдат.— Одолеет страх, не могу справиться. Что со мной будет?

— Вылечат тебя, не бойся,— успокаивает его Груня.— Доктор у нас хороший. Ещё каким молодцом будешь.

Она поговорила с ним, постояла рядом, и солдат стал успокаиваться.

— Вроде и поздоровел от твоих слов,— улыбнулся он.— Авось и правда выживу.

— Спи, солдатик, всё заживёт,— говорит Груня.

Она уже заметила, как в ответ на заботу и ласковое слово преображается раненый солдат. В нём открывается самое лучшее: терпение, мягкость, стойкость в страдании. И слова находят особенные, каких в обычной жизни он никогда не произносит, возможно, даже не подозревает, что знает их: «Сестрица, голубушка, побудь с нами, не уходи». Груня постоянно слышит такие слова и всем сердцем отзывается на них.

Раненые уснули. Ей вдруг тоже страшно захотелось спать. После трудных дорог, которыми она добиралась до Бялы из-под Плевны на санитарной повозке, усталость валит с ног. Превозмогая дремоту, она прислушивается, не зовёт ли её кто. Нет. Сейчас опустился на землю нёвголос —

время ночи, когда непробудный сон валит с ног и зверя, и человека.

Груня склонилась на руку и, как ни сопротивлялась, будто свалилась в сон. Может, минута прошла, может, полчаса, но её разбудил голос:

— Сестрица! Сестрица!

Подняла голову, ищет глазами, кто зовёт, — рядом санитар. Не сразу понимает, что он говорит. Но наконец до неё доходит смысл его слов:

— Транспорт привезли. Надо раненых выгружать.

Груня быстро набрасывает пальто и уходит вслед за санитаром, в холод и предрассветную мглу. Увидев привезённых на подводах раненых, ужасается: «Где ж мы их уложим!»

Но место находится. Санитары начинают вносить на носилках раненых.

По привычке Груня спрашивала у вновь прибывших про Егора с Фёдором, называла фамилию: Михайловы. Не довелось ли им где встретиться? Кто молча поведёт в ответ головой, нет, мол, не встречал. Кто и совсем не ответит, может, и вопроса не услышал. А один сказал:

— И, сестрица, разве упомнишь всех по фамилии? Может, и встречали, да фамилии не спрашивали, Михайлов он или Иванов. Солдат ему имя, русский солдат.

Часам к семи раненых разместили в палате. Груня сразу напоила всех горячим чаем. Она понимала, какой трудной была для каждого дорога. Сама за это время успела исколесить много вёрст по болгарской земле.

В палату тихо вошли болгарки в чёрных платках. Они приехали из ближнего селения, привезли для раненых молоко, разные овощи, сыр и, что очень важно, бинты и бельё. Болгарки постоянно бывают в госпитале. Некоторые научились ухаживать за тяжелоранеными, кормят их из ложечки, поят. Как и русские сёстры милосердия, они ласковы и заботливы. С одинаковой любовью ухаживают и за болгарскими ополченцами, и за русскими солдатами.

Ближе к вечеру Груню сменяет старшая сестра, и теперь

можно уходить домой. Она заранее дрожит от холода, вспоминая дырявый домишко, продуваемый всеми ветрами, куда её определили на житьё.

Но открыла дверь, вошла, и будто теплом повеяло. На столе её ждал укутанный в одеяло чайник. Две её новые подруги, сёстры милосердия, позаботились о ней, вскипятили чай.

Груня налила чая, с наслаждением выпила целую кружку и, едва успев раздеться, мгновенно уснула.

ДВЕ СЕСТРЫ

Нет сил встать: холод зверский. Промёрзли стены, в ведре с водой плавают льдинки. Ещё бы минут пять — десять побыть в тепле, под наброшенным на одеяло пальто. Но перед глазами всплывает палата, где лежат тяжелораненные. Не время нежиться, поторапливайся, сестра Груня!

Мигом вскочила с постели, умылась, оделась, натянула большие солдатские сапоги и вскоре была в палате: кормила, давала пить, перевязывала, помогала при операциях. Работать приходится за двоих — не хватает сестёр. Одни погибли во время сражений, другие больны тифом.

Пришлось остаться и на второе подряд ночное дежурство. Сестра, которая должна была её сменить, не пришла. А Груня так ждала её! Она уже знала, что это Вревская Юлия Петровна.

Раненые тоже ждали Вревскую. То один, то другой спрашивал Груню:

— Что-то нынче нет нашей сестрицы Юлии Петровны? Неужто от нас отказалась, не придёт больше?

— Придёт обязательно, — заверяла Груня.

Студент-доброволец, дольше других пролежавший в палате, сказал:

— А вы знаете, она не простого рода, принадлежит к высшему кругу.

— Неужто так? — изумился его сосед. — Скажи на милость! А такая простая и добрая, заботится о нас, как матушка родная. Руки у неё золотые, милосердные, вот что важно. И дела никакого не чурается. Оденет тебя в чистое бельё, накормит, сама поменяет солому в матрацах. Как же не благодарить нам её?

— Её ещё и за другое надо благодарить — за справедливость во всём. Она наши с вами интересы отстаивает, — сказал студент, — не позволяет обворовывать нас. Я слышал, она сама дежурит на кухне, глядит, всё ли, что нам положено, кладут в котёл да в наши миски. Никого не даёт в обиду.

Груня слушала, с какой любовью говорят раненные о Вревской, и в душе по-детски гордилась знакомством с ней. Вспомнились слова Доброго человека: «Ты ещё услышишь о ней». Провидец какой — всё вперёд видит! И впрямь удалось услышать о ней. Но почему всё-таки она не пришла на дежурство?

Не пришла Вревская и на другое утро. Оказалось, она заболела. И сразу же после дежурства Груня пошла навещать её.

Вревская квартировала в трёх верстах от госпиталя, в маленькой лачуге с земляным полом и низким потолком. Всю мебель составляли стол и скамейка. В углу вместо кровати — носилки для раненных, там на матраце, набитом сеном, лежала Вревская. В полумраке Груня даже не сразу разглядела её, но та сама окликнула растерявшуюся гостью:

— Пришли проведать? Вижу: новенькая.

— Здравствуйте, — дрогнувшим от волнения голосом проговорила Груня. Её напугало осунувшееся лицо Вревской. — Как вы тут?

— Ещё жива, — слабо улыбнувшись, ответила Вревская.

Груня опустилась рядом с носилками и села на полу, чтоб больной было легче с ней разговаривать.

— Вы меня не узнали, Юлия Петровна? — с тревогой и робостью спросила она. — Мы с вами виделись в

Петербурге, в книжной лавке. Помните, нас Михаил Николаевич Алексеев познакомил?

— А,— тихо проговорила Вревская и снова чуть улыбнулась,— вас Груней зовут, верно? Помню, помню. День тогда был солнечный, для Петербурга необычный.

Она, видимо, устала даже от этого короткого разговора и закрыла глаза.

«Неужто у неё тиф? — с беспокойством подумала Груня.— Какое несчастье! Выдержит ли она, бедная, уж очень слаба».

— Вам нужно отдохнуть, Юлия Петровна,— ласково сказала она.— Поспите, а я пока приготовлю поесть. Я вам кое-что принесла.

Но Вревская отказалась от еды, только выпила горячего сладкого чая и как-то сразу оживилась, ей стало лучше.

Груня прибралась в лачуге — подмела, вытерла пыль и снова опустилась у носилок, ей не хотелось уходить от Вревской, жаль было оставлять её одну.

— Теперь рассказывайте,— попросила Юлия Петровна,— как вам жилось это время. Всё по порядку.

Груня стала рассказывать о самом значительном из своей военной жизни: о боях за Горный Дубняк, о Плевне, о переходе через Балканы. Вспомнила и художника Верещагина, как он спокойно рисовал под огнём, а потом вскочил на коня и ринулся в атаку. Жив ли он, отчаянная головушка?

— К счастью для всех нас, жив,— сказала Юлия Петровна.— Мне друзья писали о нём. Василий Васильевич не только прекрасный художник, но и редкий человек.

Она умолкла, было похоже, что уснула. И Груня тихонько поднялась, собираясь уйти, но Вревская остановила её.

— Побудьте ещё немного,— попросила она,— поговорите со мной. Как там солдатики?

— Велели вам скорее выздоравливать,— ответила Груня и рассказала, как все беспокоятся о ней и ждут.

Вревская задумчиво кивнула головой, потом с болью в голосе сказала:

— Я всё думаю о наших раненых. Жалости подобно видеть этих несчастных, поистине героев. Какие страшные лишения терпят они, и без ропота. Да, велик русский солдат! — И совсем устало произнесла: — А теперь прощайте.

Груня вышла из лачуги в большой тревоге. Её смутило и насторожило печально сказанное «прощайте!». Она подумала: «Нельзя никак оставлять её тут одну, нельзя!»

К вечеру Вревскую перевезли на телеге Красного Креста в госпиталь. У неё оказался тиф. Через несколько дней она умерла.

Раненые сами копали ей могилу и сами несли гроб. Следом шли и русские, и болгары, многие плакали. Для Груни это была горькая потеря, самая большая в её жизни. Она полюбила Юлию Петровну за доброе участие и простоту. И теперь почувствовала себя осиротевшей.

Она сама вызвалась дежурить в ночь, чтобы легче справиться с одолевшей её тоской; некогда задумываться, особенно если нуждаются в твоей помощи и со всех сторон зовут: «Сестрица! Сестрица, помоги!»

Но вот раненые уснули, она села за столик.

В холодной палате полумрак. Горит свеча на столике, в дальних углах мерцают лампы. В памяти сами собой всплывают слова, произнесённые солдатами и офицерами во время прощанья с Вревской. Все горевали о ней, называли её жизнь подвигом.

И вдруг Груня замерла, удивлённая неожиданной мыслью. Как же всё в жизни связано! Встретятся люди друг с другом как будто случайно, а на самом деле нет. Их встреча потом влияет на всю жизнь, не уходит бесследно. Оборачивается общим делом.

Всего один раз и случайно встретились они с Юлией Петровной на Невском проспекте. А дальше их пути-дороги сами собой незримо пересекались не единожды, хотя обе они и не подозревали об этом.

Там, под Горным Дубняком, в октябре месяце Груня вытаскивала раненых под огнём, перевязывала их, поила, кормила. Потом их увозили в город Яссы, в тот самый госпиталь, где работала Вревская. И уже та продолжала возвращать к жизни раненых, спасённых под Горным Дубняком ею, сестрой Груней.

Теперь же в Бяле Груня Михайлова выхаживает тех раненых, которых выхаживала Юлия Петровна незадолго до своей смерти. Навечно породнил их милосердный труд.

ПАМЯТЬ

Весна пришла в Болгарию. Весна света и радости. Третьего марта 1878 года — великий день, великое торжество! — подписан мирный договор с Турцией в местечке Сан-Стефано. По этому договору Болгария стала свободной страной.

Необыкновенно хороша была в этом году весна в Болгарии! Очень рано всё зазеленело, как-то разом. Распустились бледно-голубые медуницы, зацвели яблоневые сады, алыча, сливы. Всё бы хорошо, да на душе беспокойно, как там Егор и Фёдор? Живы ли? От Егора хоть и давно, но было письмо, он благополучно в своё время перешёл Балканы, брал Адрианополь и за храбрость получил награду. А вот Фёдор как пропал без вести под Плевной, так до сих пор и не объявился. Может, погиб, а возможно, в плену. Кто скажет?

Груня уже видела себя в родной Матрёновке. Там ждут её не дождутся и родственники, и соседи, гордятся ею.

На днях получила из дому письмо. Долго же оно шло! Стала читать, и не буквы складывались в слова, вставали перед ней, а слышался ласковый голос мамушки и чуть глуховатый — отца.

«Помогай людям своим милосердным умением,— наставляли родители.— Мы же будем радоваться на тебя, цветок

наш лазоревый. Приезжай, ждём тебя по весне непременно: в поле работы не впрокорот. Руки твои крепко нужны. Приезжай».

И заканчивалось письмо просьбой, чтобы она оставалась живой и здоровой.

Ни к весеннему севу, ни к жатве Груня так и не успела. Не отпустили её домой. В госпитале ещё оставались раненные и слабые от болезни, за ними нужен был уход. И не только за ними. Нередко в госпиталь привозили жителей Бялы и окрестных сёл. Им оказывали посильную помощь. Врачи и сёстры милосердия относились к ним с такой же любовью и вниманием, как к своим солдатам. Ставили на ноги искалеченных войной людей.

Крепла дружба русских и болгар. Русские военные теперь были заняты мирными заботами. Помогали налаживать жизнь в измученной пятивековым гнётом стране. Помогали организовывать комитеты помощи пострадавшим семьям. Беженцам выдавались пайки, одежда, деньги на дорогу, чтобы они могли вернуться в родные места, когда-то ими в страхе покинутые. Для осиротевших детей устраивались детские приюты.

Чем больше узнавала Груня о болгарской земле, тем больше привязывалась к ней и её людям. Её восхищала необыкновенная жизнестойкость этого свободолюбивого народа. Пять веков жили болгары под владычеством Турции. Им запрещали говорить по-болгарски, пытались насильно обратить в чужую веру, но не смогли этого сделать. Болгары сберегли свой язык, свою письменность и свою культуру, отстояли своё человеческое достоинство. И каждый год в мае праздновали они день Кирилла и Мефодия, создателей славянской азбуки. А дети приносили из лесов и с полей цветы, зелёные ветви, чтобы украсить лики своих первых Учителей.

Оживала Болгария, начинала новую жизнь.

«Теперь и домой пора, что могли — сделали», — всё чаще думалось Груне. Пришёл момент, когда уже не удержи-

мо — до страсти! — потянуло на родину, в Россию, в родную Матрёновку.

Из дому стали часто приходиться письма. Младшенькая Анюта научилась грамоте и теперь пишет ей крупными буквами: «Живы, здоровы, того и тебе желаем». Шлёт приветы и поклоны от всей деревни.

А больше всего обрадовала, когда написала, что вернулся Егор. Лишь о Фёдоре — вот напасть! — до сих пор ни слуху ни духу. Без вести пропал.

Незаметно и сентябрь подобрался. Скоро год, как Груня в Болгарии. Погода стоит чудесная, солнечная. А главное — на людей радостно смотреть. Люди выпрямились, гордо ходят по своей свободной земле. Ушёл из их жизни давний страх.

На днях отправят последних раненых в Россию. Теперь сёстрам милосердия живётся полегче.

В свободные минуты Груня старается развлечь раненых. Читает им газеты, но чаще — стихи Пушкина. Иногда рассказывает, как ей посчастливилось увидеть дом, где жил Пушкин. И вновь видела себя на улицах Петербурга с Михаилом Николаевичем. Идёт рядом с ним и слушает его, слушает. И всё ей дорого, о чём бы он ни сказал.

Как-то получилось, что жизнь свою Груня разделила на — до встречи с ним и после встречи. Совсем другой она себя почувствовала после встречи, будто подросла. И знаний прибавилось, и в себя поверила.

Что-то давно он не писал? Наверное, всё в разъездах. Но не должно быть того, чтоб он не вспомнил её больше. Когда человек делает добро, он не забывает тех, кому его сделал, становится родным.

Нет, не забыл её Михаил Николаевич. Прислал письмо.

Она торопливо раскрыла толстый конверт и удивилась: в нём лежала вчетверо свёрнутая газета. Развернула — в глаза бросился подчёркнутый фиолетовыми чернилами заголовок: «Сестра Груня». Над заголовком рукой Михаила Николаевича написано: «Это о тебе. Читай не откладывая!»

Груня прочитала и пришла в смятение: узнавала и не узнавала себя. Подумать только! Всё запомнил, что она ему говорила. То-то с таким усердием расспрашивал, как ей жилось, чем занималась, и про её родных. А теперь все её мысли раскрыл и за неё многое додумал. И всё верно, всё сходится. Как он догадался, о чём другой человек думает? Будто чужие мысли умеет читать. Удивительно! Она бережно свернула газету и спрятала, чтоб никто не увидел. Совестно почему-то стало. Одной бы Вере Мелентьевой смогла показать, да она сейчас уже далеко от Бялы, у себя в Воронеже. Тимофеич тоже давно дома; хороший он для них с Верой был, как отец заботился.

Взволнованная Груня не сразу заметила, что, кроме газеты, в конверте было ещё и письмо от Михаила Николаевича. Она стала читать его как можно медленней, будто перебирая слова, чтобы продлить радость. Очень коротко, подтрунивая над собой, Михаил Николаевич написал, чем был занят это время. С грустью вспоминал о Вревской. А в конце просил, чтобы Груня хорошенько подумала о своём будущем. Больше всего ему хочется, чтобы она стала доктором. Пусть только верит в своё призвание и за него поборется. А уж на его поддержку она может рассчитывать.

Груня улыбнулась, на минуту представила себя доктором. «А вдруг сбудется? — мелькнула смелая мысль. — Коль выйдешь — дойдёшь!»

...На утро назначен отъезд. Закончены все дела, осталось проститься с Бялой.

Груня дошла до окраины города и остановилась на каменном мосту, переброшенном через шумную реку Янтру.

Здесь в июне 1877 года болгары встречали драгун-освободителей. Этот радостный день Бяла вспоминает до сих пор. Маленький городок, а какие важные события связаны с ним!

Отсюда в первые дни войны из главной штаб-квартиры русских войск поступали приказы о наступлении на Плевну и Шипку.

Здесь побывал знаменитый хирург Пирогов. Прав оказался профессор Алфёров, когда говорил на лекции в Медико-хирургической академии, что не обойдутся на войне без великого доктора. И не обошлись. Призвали его на помощь. Скольким людям сохранил он жизнь! Земной поклон ему.

А ещё здесь, в Бяле, трудилась Юлия Петровна Вревская. С ней проститься и шла как раз сейчас Груня.

Она перешла мост и направилась к церкви, у стен которой была похоронена Вревская. Сердце дрогнуло от жалости. Одна теперь остаётся здесь Юлия Петровна, все завтра уезжают, некому будет навестить её. Груня привела в порядок могилу, положила цветы и, прощаясь, встала на колени.

— Прощай! Прощай, хороший человек! — проговорила опечаленно и пошла, опустив голову.

За церковной оградой она оглянулась, чтобы в последний раз проститься с Вревской, и вдруг увидела у могилы женщину в тёмном платье и девочку. Наверное, они вышли только что из церкви. Женщина положила на могилу букет белых роз, а девочка — яблоко и лиловые сливы. Они стояли, тихо переговариваясь.

У Груни отлегло от сердца: есть кому позаботиться о Вревской, не останется её могила заброшенной. И имя её не будет забыто. В Бяле растут-подрастают две маленькие Юлии, две болгарские девочки, названные русским именем в честь Юлии Петровны.

В памяти встал весь прожитый год в Болгарии. Добрая, славная земля! Её она никогда теперь не забудет. Не забудет и тех, кто погиб, освобождая её. И тех раненых, которых вынесла с поля боя. Всё-всё сохранит её память, на всю жизнь.

— До свиданья, Болгария! До виждане! Здравствуй, Россия! Родина!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Попутчики	3
На ярмарке	6
В доме учительницы	12
Хороший город	17
Стёжки-дорожки	20
Дорожные встречи	24
Матвей-правдолюбец	28
Гонец	31
В городской управе	35
Сельская сходка	38
Чужая беда	42
Вот она, Москва!	46
Мир не без добрых людей	51
Белые ночи	58
Лекция профессора Алфёрова	62
Добрый человек	65
На Невском проспекте	67
Сестра милосердия	71
В Петергофском госпитале	75
Вести из Болгарии	78
Петербургской осенью	82
На вокзале	86
На болгарской земле	90
Петрана	93
Русские солдаты	96
Битва за Горный Дубняк	101
«Добре дошли, братушки!»	107
Перед наступлением	113
Зимний переход через Балканы	116
Сорок восьмой военный госпиталь	126
Две сестры	131
Память	136

Для младшего школьного возраста

Валентина Васильевна Путилина

СЕСТРА ГРУНЯ

ИБ № 6981

Ответственный редактор
С. П. Мосейчук

Художественный редактор
М. Д. Суховцева

Технические редакторы
Н. Ю. Кропоткина, Г. Г. Седова

Корректоры
А. А. Гусельникова, Е. И. Щербакова

Сдано в набор 05.03.86. Подписано к печати
10.09.86. Формат 60×84¹/₁₆. Бум. тип. № 1.
Шрифт школьный. Печать высокая. Усл.
печ. л. 8,37. Усл. кр.-отт. 9,77. Уч.-изд. л.
7,19. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2988.
Цена 60 коп.

Орден Трудового Красного Знамени и
Дружбы народов издательство «Детская
литература» Государственного комитета
РСФСР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли. 103720, Москва, Центр,
М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового
Красного Знамени фабрика «Детская книга»
№ 1 Росглавополиграфпрома Государствен-
ного комитета РСФСР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли. 127018,
Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм
«Целлофот»

Дорогие ребята!

Напишите, понравилась ли вам книга.

Наш адрес:

125047, Москва, ул. Горького, 43.

Дом детской книги.

Путилина В. В.
П90 Сестра Груня: Историческая повесть/Рис.
Т. Прибыловской.— М.: Дет. лит., 1986.— 142 с.,
ил.
50 к.

Историческая повесть о необычной судьбе русской девушки-крестьянки Груни. Став сестрой милосердия, она приняла участие в освободительной войне болгарского народа за независимость в 1877—1878 гг.

П 4803010102—494 365—86
M101(03)86

P2

